

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

18+

Эдуард Сероусов

Генетическая библиотека

«Автор»

2025

Сероусов Э.

Генетическая библиотека / Э. Сероусов — «Автор», 2025

Генетик Ирина Савельева обнаруживает в "мусорной ДНК" закодированные воспоминания предков — и нечто большее. Активация генетической памяти запускает необратимую трансформацию, превращая людей в пост-человеческий вид. Преследуемая военными корпорациями, спецслужбами и религиозными фанатиками, Ирина раскрывает шокирующую правду: жизнь на Земле засеяна инопланетной цивилизацией четыре миллиарда лет назад. Межзвёздное путешествие к создателям ставит перед человечеством судьбоносный выбор: сохранить индивидуальность или присоединиться к галактическому коллективному разуму. Жёсткая научная фантастика о цене эволюции, границах человечности и космическом предназначении разума. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть I: Открытие	5
Глава 1. Наследство	5
Глава 2. Глубина	23
Глава 3. Контакт	38
Глава 4. Охотники	51
Глава 5. Возвращение	65
Глава 6. Предложение	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Эдуард Сероусов

Генетическая библиотека

Часть I: Открытие

Глава 1. Наследство

Москва, Институт Эволюционной Биологии РАН

1 февраля 2635 года, 03:17

Ирина Савельева провела ладонью по сенсорной панели, и стерильный свет галогеновых ламп залил лабораторию BSL-4, превращая темноту в холодное подобие дня. Белые стены отражали свечение так ярко, что приходилось щуриться. Она не включала освещение последние четыре часа, работая лишь при свете голографических проекций, парящих над рабочей поверхностью. Глаза привыкли к полумраку, и теперь жгло, словно кто-то плеснул в лицо жидким азотом.

Тридцать восьмой этаж небоскреба Института возвышался над Сколково-2 как игла, пронзающая ночное небо Новой Москвы. Отсюда, из панорамного окна, город выглядел как гигантский организм – вертикальные фермы светились изумрудными венами фотосинтетических панелей, транспортные артерии пульсировали потоками автономных капсул, а жилые кластеры мерцали миллионами окон. Две сотни этажей стекла и композитов, зелени и металла, соединенных воедино квантовыми сетями и искусственным интеллектом городской инфраструктуры.

Ирина не смотрела на город. За пятнадцать лет работы в Институте она научилась не обращать внимания на внешний мир, когда погружалась в исследования. Сейчас перед ней на столе лежало нечто более важное, чем весь сияющий мегаполис за окном.

Дневники матери.

Три потрепанных блокнота с пожелтевшими страницами, заполненными мелким, нервным почерком. Анахронизм в мире, где любая информация хранилась в квантовых кристаллах и нейронных сетях. Мария Савельева вела записи старомодным способом – ручкой по бумаге, словно боялась, что цифровые следы обнаружат ее, от кого она пряталась.

Ирина потянулась к термोकружке с кофе – третьей за ночь – и сделала глоток. Жидкость давно остыла и горчила. В кофе она добавила две капсулы «Церебрина-Плюс», нейростимулятора последнего поколения. Легальный допинг для тех, кто работал по восемнадцать часов в сутки и не мог себе позволить усталость. Сердце уже колотилось слишком быстро, и пальцы начали мелко дрожать, но это была привычная цена за дополнительные четыре часа ясности сознания.

Она откинулась на спинку эргономичного кресла, и тихий гул механизма подстройки под позвоночник на мгновение разорвал тишину. Лаборатория молчала, если не считать равномерного шипения системы фильтрации воздуха и едва слышного гула холодильных установок, где при температуре минус восемьдесят хранились образцы биоматериала.

На голографическом дисплее перед ней висела трёхмерная реконструкция человеческой хромосомы. Двадцать третья пара, половая – XX. Цветные маркеры отмечали участки некодирующей ДНК, те самые девяносто восемь процентов генома, которые научное сообщество до сих пор называло «генетическим мусором». Бессмысленные последовательности нуклеотидов,

эволюционный балласт, накопленный за миллиарды лет. Или так считали все, кроме Марии Савельевой.

И кроме её дочери.

Ирина взяла один из блокнотов – тот, который нашла в сейфе квартиры матери спустя три месяца после её смерти. Пятнадцать лет назад она была слишком потрясена, чтобы читать эти записи. Слишком погружена в собственное горе, чтобы понять, что мать оставила ей не просто дневники, а ключ. Ключ к тайне, которую человечество искало с тех пор, как впервые расшифровало геном.

Страницы шелестели под пальцами. Бумага была удивительно приятной на ощупь в мире сенсорных экранов и тактильных иллюзий. Что-то настоящее. Осязаемое.

«17 марта 2618 года. Сегодня я провела семьдесят второй тест. Результат отрицательный, как и предыдущие. Но я чувствую – чувствую, не знаю, – что близка. Паттерны в не кодирующих последовательностях не случайны. Это не мусор. Это ПАМЯТЬ. Закодированная на уровне, который мы ещё не научились читать.»

Ирина знала эту запись наизусть. Как и следующие пятьдесят страниц, исписанные формулами, схемами, диаграммами. Мать работала над теорией эпигенетической памяти – идеей, что жизненный опыт может записываться в ДНК через метилирование и модификацию хроматина, передаваясь следующим поколениям. Концепция сама по себе не была новой. Ламаркизм в современной обёртке, подкреплённый реальными данными эпигенетики. Но Мария пошла дальше.

Она предположила, что не кодирующая ДНК – это архив. Библиотека. Хранилище всех воспоминаний, всего опыта каждого предка, который когда-либо жил. От первых *Homo sapiens* до современного человека. Возможно, даже глубже – до ранних гоминидов, до млекопитающих, до самых первых многоклеточных организмов.

Генетическая память.

Мария Савельева опубликовала одну статью на эту тему в 2631 году. Рецензенты разнесли её в пух и прах. «Псевдонаука», «спекуляция без доказательств», «возврат к дискредитированным теориям». Её попросили покинуть должность в Институте «по собственному желанию». Финансирование исследований прекратилось. Коллеги отвернулись.

А через два года Мария Савельева приняла смертельную дозу барбитуратов в своей квартире на окраине старой Москвы.

Ирина зажмурилась, отгоняя воспоминание. Оно всегда было где-то рядом, за тонкой стеной сознания, готовое прорваться в самый неподходящий момент. Лицо матери, бледное на больничной подушке. Реаниматологи вокруг, их безучастные, профессиональные лица. Монотонный писк аппаратов. И слова врача: «Мы сделали всё возможное».

Нет. Не сейчас.

Она провела пальцами по шраму на правой ладони, старой привычкой успокаивая себя. Шрам тянулся от основания указательного пальца к запястью – след от разбитой пробирки десять лет назад. Стекло вошло глубоко, задев сухожилие. Три месяца реабилитации и регенеративной терапии, прежде чем она снова смогла нормально держать микропипетку. Физическая боль проще эмоциональной. Её можно измерить, категоризировать, вылечить.

Ирина встала, пересекла лабораторию и остановилась у окна. Новая Москва раскинулась внизу, как светящаяся карта. Старый город, исторический центр, давно превратили в музей под защитным куполом. Кремль, Красная площадь, соборы – всё это теперь экспонаты, которые миллионы туристов осматривали через очки дополненной реальности, слушая виртуальных гидов. Настоящая жизнь переместилась в новые районы. Сколково-2, построенное на месте старых подмосковных лесов. Деловой центр на искусственных островах в пойме Москвы-реки. Жилые кластеры-башни, каждая из которых была городом в себе – с парками на крышах, школами, больницами, торговыми центрами.

Ирина прожила в Москве всю жизнь и всё ещё не привыкла к этому городу будущего. Предпочитала замкнутое пространство лаборатории, где всё было понятно, упорядочено, контролируемо.

Её отражение в окне смотрело в ответ. Короткие тёмные волосы, прошитые нитями седины, хотя ей было только тридцать восемь. Генетика. Её мать поседела рано, и Ирина унаследовала эту особенность вместе с острыми чертами лица и серыми глазами. Очки с защитой от УФ-излучения съехали на кончик носа – она поправила их автоматическим жестом. Лицо осунувшееся, с тёмными кругами под глазами. Отражение женщины, которая работает до изнеможения и забывает поесть.

– Система, – произнесла она вслух, и лабораторный ИИ откликнулся тихим звуковым сигналом, – доложить статус расшифровки файла М-231-С.

– Расшифровка завершена на девяносто два процента, – ответил бесполой голос системы. – Алгоритм квантового декодирования обработал восемь миллионов символов. Идентифицировано семь форматов шифрования, включая устаревший протокол RSA-8192 и три авторских алгоритма, основанных на биоинформатических последовательностях.

– Показать результаты последнего сегмента.

Голограмма над рабочим столом изменилась. Вместо хромосомы появился текстовый документ, строки которого мерцали разными цветами – зелёным для расшифрованных участков, жёлтым для тех, что находились в обработке, красным для нерешённых фрагментов.

Большая часть была зелёной.

Мария не просто вела дневники – она шифровала самые важные данные многослойным кодом, который Ирина пыталась взломать последние три месяца. Использовала ресурсы суперкомпьютера «Мендель-9» в те часы, когда система не была загружена официальными проектами. Ночные смены. Каждую ночь, с полуночи до пяти утра, когда лаборатория пустела и она оставалась одна с машинами и призраком матери, живущим в этих записях.

И сегодня она дошла до конца.

Ирина вернулась к столу, села и начала читать расшифрованный текст. Руки дрожали – не от стимуляторов, а от предчувствия. Три месяца работы, пятнадцать лет ожидания. Ответы должны быть здесь.

«Финальная запись. Если ты читаешь это, Ириша, значит, я мертва. Прости. Я знаю, что это эгоистично – уйти и оставить тебя одну. Но я больше не могу. То, что я видела, то, что я узнала... это невыносимо.

Я была права насчёт не кодирующей ДНК. Это действительно память. Но не просто воспоминания предков. Это нечто большее. Нечто ужасающее.

Я активировала протокол. На себе. Я знаю, что ты скажешь – безумие, безответственность, нарушение всех правил. Но мне нужно было доказательство. Мне нужно было ЗНАТЬ.

И я узнала.

Память идёт глубже, чем должна. Глубже, чем возможно по эволюционным меркам. Я дошла до уровня пять – ранние позвоночные, триста миллионов лет назад. А потом... потом был уровень шесть. Первые многоклеточные. Миллиард лет.

Но самое страшное – я коснулась уровня семь.

Там не должно быть ничего. Жизнь на Земле появилась четыре миллиарда лет назад, простейшие организмы. До этого была только химия. Но уровень семь существует. И там есть ПАМЯТЬ.

Память не с Земли.

Ириша, я не сумасшедшая. Я видела это. Другой мир. Другое небо. Существа, которые никогда не жили на нашей планете. Они создали нас. Засеяли Землю жизнью. Мы – их потомки. Их инструменты. Их ОРУЖИЕ.

В памяти закодирована программа. Активационная последовательность. Когда её запускаешь... начинается трансформация. Тело меняется. Разум меняется. Ты перестаёшь быть человеком и становишься чем-то другим.

Я чувствую это. Процесс начался и не останавливается. Мои клетки мутируют. Каждый день я теряю кусочек себя. Скоро от Марии Савельевой ничего не останется.

Поэтому я сделаю это сегодня. Пока ещё могу. Пока ещё я – это я.

Все мои исследования я оставила тебе. Координаты в файле М-233-Х. Образцы в криохранилище секции Е-17, доступ по моему биометрическому ключу, который ты сможешь скопировать с моей ДНК. Протокол активации – в приложении А, но ПОЖАЛУЙСТА, не используй его. Никогда. Обещай мне.

То, что я нашла, должно остаться похороненным.

Но я знаю тебя, дочь моя. Ты унаследовала мою одержимость, моё упрямство. Если ты читаешь это, ты уже приняла решение продолжить. Ты никогда не умела останавливаться, когда надо.

Тогда хотя бы будь осторожна. Они наблюдают. Они знают. Корпорации, правительства, спецслужбы – все они охотятся за этой технологией. Когда ты активируешь протокол, они узнают. И тогда ты станешь самым ценным и самым опасным человеком на планете.

Беги. Прячься. Но главное – НЕ ПОЗВОЛЯЙ им использовать это как оружие.

Прости меня. Я люблю тебя. Всегда любила.

Мама.»

Ирина не заметила, как по её щекам потекли слёзы. Она не плакала пятнадцать лет. С того самого дня, когда стояла у кровати матери в реанимации и смотрела, как медсестра выключает аппараты. Врачи сказали, что доза была слишком большой. Мозг умер первым, задолго до того, как остановилось сердце. Спасать было нечего.

А теперь, читая эти слова, Ирина понимала: мать не хотела, чтобы её спасли. Она сделала выбор. Пока ещё могла выбирать.

– Система, – голос прозвучал хрипло, и она прочистила горло, – извлечь файл М-233-Х. Авторизация: Савельева Ирина Александровна, ведущий генетик, допуск уровня пять.

– Извлечение файла, – отозвалась система. – Требуется дополнительная авторизация. Файл защищён биометрическим ключом класса А-12.

– Запросить доступ через генетический профиль Савельевой Марии Валерьевны, – Ирина поднялась и подошла к биосканеру, встроенному в стену. Приложила ладонь к светящейся панели. – Использовать семейную связь. Совпадение митохондриальной ДНК должно быть достаточным.

Пауза. Система обрабатывала запрос. Ирина знала: технически это было нарушением протокола безопасности. Биометрические ключи класса А-12 создавались индивидуально и не могли быть переданы или скопированы. Но митохондриальная ДНК наследовалась по материнской линии без изменений. Та же самая последовательность, что была у её матери, текла в каждой клетке её тела.

– Биометрическое совпадение подтверждено на уровне девяносто девять целых восемь десятых процента, – объявила система. – Доступ к файлу М-233-Х разрешён. Извлечение завершено.

Новая голограмма развернулась над столом. Координаты. Не просто географические – трёхмерная карта человеческого генома с миллионами цветных маркеров, помечающих специфические локусы. Ирина узнала формат сразу – это была карта эпигенетических модификаций. Паттерны метилирования цитозина, гистоновых модификаций, участков открытого хроматина. Всё, что определяло, какие гены активны, а какие молчат.

Но масштаб... масштаб захватывал дух.

Мария картировала не отдельные гены. Она картировала всю некодирующую часть генома. Миллиарды нуклеотидов, организованные в сложнейшие структуры, похожие на... на код. На программу.

– О боже, – прошептала Ирина, увеличивая участок за участком. – Это же... это же язык. Настоящий язык.

Паттерны метилирования формировали последовательности – нечто похожее на синтаксис, с повторяющимися элементами и структурными правилами. Как будто кто-то взял генетический код и использовал его как алфавит для написания книги. Огромной, невероятно сложной книги.

Генетическая библиотека.

Сердце колотилось так сильно, что Ирина ощущала пульсацию в висках. Церебрин-Плюс усиливал каждую эмоцию, делая их физически ощутимыми. Ей нужно было прилечь, отдохнуть, дать мозгу время обработать информацию.

Вместо этого она потянулась к терминалу и начала загружать данные в «Мендель-9».

– Система, инициировать протокол глубокого анализа. Применить алгоритм BioLingua-3 к файлу М-233-Х. Цель: расшифровка синтаксических структур в некодирующих последовательностях. Приоритет максимальный.

– Инициация протокола, – подтвердила система. – Расчётное время обработки: четыре часа двадцать три минуты.

Четыре с лишним часа. Уже почти четыре утра. Она могла пойти домой, принять душ, попытаться поспать пару часов. Квартира была в соседнем жилом кластере, пятнадцать минут на скоростном лифте и магнитном трамвае.

Вместо этого Ирина достала из ящика стола компактный спальный мешок – такие выдавали всем сотрудникам, кто часто работал сверхурочно. Расстелила его на полу в углу лаборатории, легла, не раздеваясь, и закрыла глаза.

Сон не шёл. Мысли крутились, наслаиваясь друг на друга. Лицо матери. Координаты в файле. Слова о трансформации. «Ты перестаёшь быть человеком».

Что это значит? Мать видела что-то в генетической памяти, что-то, что изменило её настолько сильно, что она предпочла смерть. Какое знание может быть настолько ужасным?

Память не с Земли.

Ирина перевернулась на бок, обхватив себя руками. Холодно. В лаборатории всегда холодно – климат-контроль поддерживал температуру ровно восемнадцать градусов для оптимального функционирования оборудования. Она подтянула спальный мешок до подбородка, пытаясь согреться.

Они создали нас. Засеяли Землю жизнью.

Панспермия. Старая теория, которую периодически реанимировали, когда не находили других объяснений происхождению жизни. Идея, что органические молекулы или даже простейшие организмы могли быть занесены на Землю из космоса – метеоритами, кометами, межзвёздной пылью. Но это всё были гипотезы, спекуляции. Никаких доказательств. Никогда не было доказательств.

А что, если мать нашла их? Прямое свидетельство внеземного происхождения жизни, закодированное в ДНК каждого человека?

Ирина открыла глаза, глядя в темноту. Красный индикатор систем безопасности мигал на потолке. Где-то шипела вентиляция. Лаборатория дышала, жила своей механической жизнью.

Она не заметила, как провалилась в беспокойный сон.

Сон был странным, фрагментированным. Она стояла в лаборатории, но не в своей – в какой-то другой, старой, с облупившейся краской на стенах и древним оборудованием. Мать

сидела за столом, склонившись над микроскопом. Молодая, какой Ирина помнила её из детства. Тёмные волосы без седины, лицо без морщин.

– Мама? – позвала Ирина.

Мария подняла голову. Улыбнулась. Но улыбка была какой-то неправильной. Слишком широкой. Слишком многозубой.

– Ты нашла координаты, – сказала мать. Не вопрос, констатация факта. – Молодец. Я знала, что ты найдёшь.

– Что это значит? – спросила Ирина. – Что ты видела на уровне семь?

Мария встала. Она была выше, чем Ирина помнила. Или это Ирина стала меньше? Пространство вокруг искажалось, стены лаборатории плыли, как жидкость.

– Правду, – ответила мать. – Мы не те, кем себя считаем. Никогда не были. Мы – семена. Споры. Брошенные в космос миллиарды лет назад. Мы росли, эволюционировали, думали, что выбираем свой путь. Но это иллюзия.

– Я не понимаю, – прошептала Ирина.

– Поймёшь, – мать шагнула ближе. Её глаза изменились – стали чёрными, полностью чёрными, без белков и зрачков. – Когда активизируешь память. Когда увидишь то, что увидела я. Когда станешь тем, кем должна стать.

– Я не хочу, – сказала Ирина, отступая. Спина уперлась в стену. Или то, что должно было быть стеной. Поверхность была мягкой, тёплой, пульсирующей. Живой.

– Не важно, чего ты хочешь, – мать протянула руку. Пальцы её были слишком длинными, с лишними суставами. – Программа запущена. Ты не можешь её остановить. Никто не может. Мы все идём туда. В конце концов.

Ирина закричала—

Она проснулась с ощущением удушья, рывком села. Сердце билось бешено, и на мгновение она не понимала, где находится. Лаборатория. Четыре утра. Спальный мешок.

Сон.

Просто сон.

Ирина провела дрожащими руками по лицу, чувствуя холодный пот на висках и лбу. Церебрин-Плюс часто вызывал яркие, реалистичные сны. Побочный эффект усиленной нейронной активности. Она знала это. Но от знания не становилось легче.

– Система, – голос прозвучал неуверенно, – текущее время?

– Четыре часа пятьдесят две минуты, – ответил ИИ.

Почти час сна. Лучше, чем ничего.

Ирина выбралась из спального мешка, свернула его и убрала обратно в ящик. Мышцы затекли от лежания на холодном полу. Она потянулась, разминая спину и плечи, потом подошла к маленькой раковине в углу лаборатории и плеснула холодной водой в лицо.

Отражение в зеркале выглядело ещё хуже, чем раньше. Бледная кожа, воспалённые глаза, всклокоченные волосы. Она провела мокрыми пальцами по голове, пытаясь придать волосам хоть какую-то форму, но это мало помогло.

– Система, статус обработки протокола глубокого анализа?

– Обработка завершена на девяносто четыре процента. Расчётное время до завершения: двадцать семь минут.

Ирина вернулась к рабочему столу. Голограмма всё ещё висела в воздухе – карта генома с миллионами маркеров. Теперь к ней добавились новые слои данных: структурный анализ, выявленные паттерны, статистические корреляции.

«Мендель-9» работал. Суперкомпьютер обрабатывал триллионы операций в секунду, просеивая генетические данные в поисках смысла, скрытого в кажущемся хаосе. Ирина смотрела на мерцающие цифры и графики, ощущая, как растёт напряжение в груди.

Ей нужен был кофе. Ещё одна доза стимуляторов. Может быть, что-то поесть – она не ела с вечера. Но двигаться не хотелось. Она просто стояла, глядя на голограмму, ожидая.

Двадцать семь минут. Она могла подождать.

Время тянулось медленно. Ирина села, встала, прошлась по лаборатории, снова села. Взяла блокнот матери, перелистнула несколько страниц, положила обратно. Посмотрела в окно – город начинал просыпаться. Первые лучи солнца окрашивали верхушки небоскрёбов в розовый и золотой.

– Обработка завершена, – объявила система ровно в пять двадцать. – Результаты готовы к просмотру.

Ирина вскочила так резко, что закружилась голова. Стимуляторы и недостаток сна делали своё дело. Она оперлась ладонями о стол, вдохнула глубоко несколько раз, дожидаясь, пока головокружение пройдёт.

– Показать результаты.

Голограмма изменилась. Генетическая карта превратилась в трёхмерную структуру, похожую на кристаллическую решётку. Узлы и связи между ними. Паттерны, повторяющиеся на разных уровнях. Фрактальная геометрия.

И слова. Расшифрованные последовательности, переведённые алгоритмом BioLingua-3 в понятный текст.

Ирина начала читать.

Уровень 1: Генетическая память, 100-500 лет.

Идентифицировано 1,247 локусов с активными эпигенетическими маркерами. Паттерны соответствуют индивидуальной семейной истории. Воспоминания предков до седьмого поколения. Метод доступа: активация через специфические белковые комплексы...

Она пролистала дальше. Уровень 2. Уровень 3. Каждый следующий слой уходил глубже в прошлое. Ранние Homo sapiens. Неандерталы. Ранние гоминиды.

А потом – уровень 7.

Уровень 7: Аномальная память. Временной маркер: 4.2 миллиарда лет.

ВНИМАНИЕ: *Обнаружены последовательности, не соответствующие земным эволюционным линиям. Генетические маркеры указывают на внешний источник. Вероятность ошибки: менее 0.001%.*

Декодированный фрагмент 1:

[Небо красное. Два солнца. Температура 42°C. Атмосферное давление 0.8 атм. Кислород 18%, азот 75%, углекислый газ 4%, следы аргона и неона. Гравитация 0.91 земной. Планета умирает. Звезда расширяется. У нас есть 10,000 лет до конца. Нужно выжить. Нужно распространиться. Нужно засеять.]...

Ирина остановилась. Перечитала фрагмент. Ещё раз.

Это не могло быть правдой. Это должна была быть ошибка алгоритма, артефакт обработки, случайная корреляция, которую компьютер ошибочно принял за значимые данные.

Но сердце колотилось всё быстрее, и руки снова дрожали, и внутренний голос шептал: «А что, если нет? Что, если мать была права?»

Она продолжила читать.

Декодированный фрагмент 2:

[Мы создали споры. Миллиарды спор. Каждая – хранилище информации. Весь наш генетический код, вся наша история, все наши воспоминания. Закодированы на уровне ДНК. Споры выживут в космосе. Радиация не разрушит их. Холод консервирует. Они будут дрейфовать тысячи лет, миллионы. Найдут планеты. Укоренятся. Начнут эволюцию. Создадут новые формы жизни. А внутри, глубоко внутри, сохранится память о нас. О том, кем мы были. О том, что мы сделали. И когда-нибудь, когда эволюция достигнет нужной точки, память активизируется. И наши потомки узнают правду...].

Ирина отпрянула от голограммы, как от удара. Ноги подкосились, и она тяжело опустилась обратно в кресло.

Это было невозможно.

Но доказательства были перед ней. Закодированные в самой структуре человеческой ДНК. В каждой клетке её тела, в каждой клетке каждого человека на планете.

Жизнь на Земле началась не случайно. Не из первичного бульона химических веществ, не из разрядов молний в древней атмосфере. Она была принесена извне. Намеренно. Целенаправленно.

Инопланетная цивилизация, умирающая вместе со своей звездой, создала биологические споры и разослала их во все стороны космоса. Последняя отчаянная попытка выжить. Не физически – метафорически. Сохранить свою историю, свою культуру, своё наследие в генетическом коде.

И одна из этих спор попала на Землю четыре миллиарда лет назад.

Вся эволюция жизни на планете, от простейших бактерий до человека разумного, была направленным процессом. Программой, закодированной в исходной споре. Не божественным замыслом. Не случайным развитием. Инженерией. Генетической инженерией, проведённой видом, который исчез миллиарды лет до того, как первые люди начали смотреть на звёзды.

– О господи, – прошептала Ирина. – О господи, мама. Ты действительно это нашла.

Голова кружилась. Мысли скакали, не в силах удержаться на чём-то одном. Это было слишком много. Слишком большое открытие. Оно меняло всё. Историю человечества. Понимание жизни. Само определение того, что значит быть человеком.

Мы – наследники вымершей цивилизации. Носители их памяти. Их генетическая библиотека.

Руки потянулись к клавиатуре сами собой. Нужно было зафиксировать это. Задокументировать. Проверить. Провести дополнительные тесты. Нужны были образцы. Живые клетки. Нужно было активировать протокол и посмотреть, что произойдёт.

«ПОЖАЛУЙСТА, не используй его. Никогда. Обещай мне.»

Слова матери эхом отзывались в памяти.

«То, что я нашла, должно остаться похороненным.»

Но почему? Если это величайшее открытие в истории науки, почему его нужно прятать?

«Процесс начался и не останавливается. Мои клетки мутируют. Каждый день я теряю кусочек себя.»

Активация памяти запускала трансформацию. Изменение на клеточном уровне. Мать активировала протокол и начала превращаться во что-то иное. И это её так напугало, что она предпочла умереть.

Ирина уставилась на свои руки. Обычные человеческие руки. Пять пальцев, кожа, ногти, шрам на ладони. Что с ними случится, если она активирует протокол? Останутся ли они человеческими?

«Ты перестанешь быть человеком и становишься чем-то другим.»

Вопрос был: чем именно?

Ответ лежал в приложении А – протоколе активации, который мать оставила в своих записях.

Ирина медленно, словно боясь собственного решения, вызвала файл. Приложение А развернулось на голографическом экране.

Протокол был удивительно прост. Или казался простым. Последовательность из восьми этапов:

Забор нервной ткани (предпочтительно из коры головного мозга)

Картирование эпигенома образца

Идентификация целевых локусов уровня 7

Синтез активаторного белкового комплекса

Введение комплекса в нервную ткань

Мониторинг изменений в течение 6-12 часов

При успешной активации: проявление генетической памяти

ВНИМАНИЕ: процесс необратим

Необратим. Курсивом. Подчёркнуто дважды.

Мать хотела убедиться, что Ирина понимает: нет пути назад. Один раз активировав память, ты не сможешь её выключить. Изменения будут постоянными.

Ирина откинулась на спинку кресла, глядя в потолок. Флуоресцентные лампы слепили, оставляя цветные пятна перед глазами.

Что она должна делать?

Рациональная часть разума кричала: остановись. Это опасно. Ты не понимаешь всех последствий. Нужно больше исследований, больше данных, больше времени. Нужно сообщить научному сообществу, опубликовать находки, позволить другим проверить результаты.

Но другая часть – та, что унаследовала материнскую одержимость – шептала: ты можешь узнать. Прямо сейчас. Не теоретически, не по записям. Ты можешь увидеть собственными глазами. Испытать то, что испытала мать. Прикоснуться к памяти, которой четыре миллиарда лет.

И эта часть была сильнее.

Ирина знала это о себе. Знала, что когда дело доходило до науки, до открытий, она не могла останавливаться. Любопытство было физической потребностью, такой же необходимой, как дыхание. Именно поэтому она работала по восемнадцать часов в сутки. Именно поэтому глотала стимуляторы и забывала о еде. Именно поэтому у неё не было друзей, семьи, личной жизни – только работа. Только наука.

Мать понимала это. Именно поэтому оставила протокол. Зная, что Ирина не сможет не попробовать.

– Система, – сказала она, и голос прозвучал твёрже, чем ожидала, – инициировать протокол активации генетической памяти. Субъект: я сама. Уровень доступа: один. Начать с поверхностного слоя.

– ВНИМАНИЕ, – отозвалась система. Голос ИИ стал громче, и в нём появились интонации тревоги – признак того, что алгоритм распознал потенциально опасную команду. – Запрошенный протокол не одобрен Этическим комитетом Института. Эксперименты на человеке без соответствующего разрешения нарушают протокол безопасности BSL-4. Требуется авторизация директора и—

– Переопределить, – прервала Ирина. – Авторизация: Савельева Ирина Александровна, персональный доступ уровня пять. Протокол классифицируется как личное исследование вне рамок институциональных проектов. Ответственность принимаю на себя.

Пауза. Система обрабатывала команду, проверяя её против базы данных правил и ограничений. Ирина знала: технически она имела право проводить личные эксперименты в лаборатории, если они не затрагивали институциональные ресурсы и не несли угрозы для окружающих. Тестировать протокол на себе было глупо, безответственно и потенциально смертельно опасно.

Но не запрещено.

– Авторизация принята, – сообщила система, и в голосе больше не было тревожных интонаций. Только нейтральный, информационный тон. – Инициация протокола активации. Пожалуйста, следуйте инструкциям.

Ирина встала и направилась к медицинскому отсеку лаборатории. Небольшая комната за стеклянной перегородкой, обставленная как мини-операционная. Здесь проводили биопсии, забор образцов, мелкие медицинские процедуры.

Она легла на стол, холодная поверхность неприятно прижалась к спине сквозь тонкую ткань рубашки. Над головой висел медицинский сканер – цилиндр с множеством датчиков и манипуляторов.

– Система, начать процедуру забора нервной ткани. Целевая область: теменная кора, правое полушарие. Глубина: два миллиметра. Использовать местную анестезию.

– Процедура началась.

Механический манипулятор спустился, приблизился к её голове. Холодное прикосновение датчика к коже. Лёгкий укол – инъекция анестетика. Онемение распространилось по коже головы, ползло к виску.

Потом – давление. Не боль, но ощущение чего-то проникающего. Звук, похожий на очень тихое жужжание. Биопсийная игла вошла в череп – прошла сквозь кость, как нож сквозь масло. Нанотехнологии делали возможным то, что раньше требовало вскрытия черепа.

– Образец получен, – объявила система. – Объём: два кубических миллиметра. Ткань помещена в питательный раствор.

Манипулятор отстранился. Ирина осторожно села. Голова кружилась – не от боли, а от осознания того, что она только что сделала. Она взяла образец собственного мозга. Своих нейронов. Клеток, которые хранили её мысли, воспоминания, личность.

И сейчас собиралась изменить их.

– Система, продолжить протокол. Картирование эпигенома образца.

Она перешла к основному рабочему столу, где голографическая проекция уже отображала образец. Крошечный кусочек ткани, плавающий в прозрачной жидкости внутри защитной камеры. Сканеры работали, считывая каждую молекулу, каждую метильную группу, каждую модификацию.

Процесс занял двадцать минут. Ирина стояла, наблюдая, как данные постепенно собираются в полную картину. Её эпигеном. Уникальный паттерн меток, определяющий, какие гены активны в её нейронах, какие молчат, какие ждут сигнала к пробуждению.

– Картирование завершено, – сообщила система. – Идентифицировано 847 локусов, соответствующих уровню 1 генетической памяти. 234 локуса уровня 2. 89 локусов уровня 3. Локусы уровней 4-7 находятся в спящем состоянии.

– Синтезировать активаторный комплекс для уровня 1, – приказала Ирина. – Концентрация минимальная. Я хочу посмотреть, что произойдёт, прежде чем углубляться.

– Синтез начат. Расчётное время: сорок минут.

Сорок минут ожидания. Ирина вернулась к своему столу, взяла термокружку с остывшим кофе. Сделала глоток, поморщилась от горечи. Добавила ещё одну капсулу Церебрина-Плюс, хотя знала, что уже превысила безопасную суточную дозу.

Её сердце колотилось. Руки дрожали так сильно, что пришлось положить кружку, чтобы не расплескать.

Она собиралась активировать генетическую память. Получить доступ к воспоминаниям людей, которые умерли столетия назад. Её предков. Их опыт, их жизни, их мысли – всё это закодировано в её ДНК, ожидая пробуждения.

Что она увидит? Как это будет ощущаться? Мать писала о воспоминаниях, но не описывала подробности. Будет ли это как просмотр фильма? Или полное погружение, как будто она сама проживает чужую жизнь?

«Каждый день я теряю кусочек себя.»

Страх закрался в сознание, холодный и липкий. А что, если она не сможет отличить свои воспоминания от чужих? Что, если память предков будет настолько сильной, что вытеснит её собственную личность?

Слишком поздно волноваться. Решение принято.

– Синтез завершён, – объявила система точно в шесть утра. – Активаторный комплекс готов к применению.

Ирина вернулась к медицинскому отсеку. Маленькая ампула с прозрачной жидкостью ждала в держателе. Такая крошечная. Миллилитр, не больше. Внутри – миллиарды белковых молекул, сконструированных с атомарной точностью для одной задачи: разбудить спящие гены.

Она взяла ампулу, вставила её в инъектор. Автоматическое устройство размером с толстый маркер. Приложила его к шее, нашла яремную вену.

Секундное колебание.

Потом – нажала кнопку.

Инъектор шикнул. Холод под кожей. Активаторный комплекс вошёл в кровоток, понёсся к мозгу со скоростью сердцебиения.

Ирина вернулась к столу, села. Руки тряслись сильнее, чем когда-либо. Она переплела пальцы, сжала их, пытаясь остановить дрожь.

Ничего не происходило.

Минута. Две. Пять.

Может быть, протокол не сработал? Может, концентрация была слишком низкой? Или образец оказался недостаточно свежим? Или—

Боль.

Внезапная, острая, пронзающая череп как раскалённая игла. Ирина застонала, схватилась за голову. Мир поплыл. Лаборатория исказилась, стены изогнулись, потолок приблизился.

И потом—

Она не в лаборатории.

Она стоит на улице. Старой улице, какие не видела никогда. Асфальт вместо магнитных полос. Машины с колёсами, выбрасывающие выхлопные газы. Люди в странной одежде – джинсах, куртках. Нет дополненной реальности, нет имплантов, нет умных устройств.

Двадцатый век. Конец двадцатого века.

Она смотрит на свои руки – но это не её руки. Пальцы толще, короче. Мужские руки. На левой – обручальное кольцо.

Она понимает: это прадедушка. Александр. Мать рассказывала о нём. Инженер, работал на заводе. Умер в 2023 году.

Воспоминание разворачивается само собой, без её контроля. Она – он – идёт по улице зимнего города. Москва, но совсем другая. Старая Москва, до реконструкции. Снег на тротуарах, холодный ветер в лицо. Он спешит домой с работы. В кармане – зарплата, наличные деньги. Странно, но приятно чувствовать шелест купюр.

Дома ждёт жена. Анна. Он представляет её лицо, и тепло разливается в груди. Любовь. Простая, человеческая любовь.

Воспоминание ускоряется. Дом. Квартира. Жена готовит ужин на газовой плите. Запах борща. Телевизор в углу показывает новости – что-то о политике, о которой Ирина ничего не знает, но прадедушка понимает. Он садится к столу. Они едят, разговаривают. Обыденные вещи. Планы на выходные. Счета за коммунальные услуги. Здоровье родителей.

Счастье. Простое, повседневное счастье.

И потом воспоминание тускнеет, растворяется, как туман под солнцем.

Ирина вернулась в себя резко, с ощущением падения. Она сидела за столом в лаборатории, сжимая край столешницы так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Дышала тяжело, как после бега. Сердце колотилось. Виски пульсировали.

Но боль прошла.

И она помнила. Помнила улицу, снег, лицо женщины, которую никогда не видела. Запах борща, который никогда не нюхала. Голос прадедушки в собственной голове.

– О господи, – прошептала она. – Это работает. Это действительно работает.

Она прожила фрагмент чужой жизни. Не наблюдала со стороны – прожила. Ощущала его эмоции, его мысли, его тело. Они слились на эти несколько минут, две личности в одной.

И память всё ещё была с ней. Ясная, детальная, реальная. Как её собственное воспоминание. Нет – более яркое, чем её собственные воспоминания. Потому что она редко обращала внимание на детали своей жизни, всегда погружённая в работу. А прадедушка жил в моменте, замечал мелочи, ценил их.

Ирина посмотрела на свои руки. Её руки. Женские, тонкие, со шрамом на ладони. Но на мгновение она всё ещё чувствовала обручальное кольцо на пальце. Не на своём пальце. На пальце прадедушки.

Память наслаивалась на память. Прошрое просачивалось в настоящее.

«Каждый день я теряю кусочек себя.»

Теперь она понимала, что имела в виду мать. Активация памяти добавляла к твоему сознанию чужой опыт. Если активировать слишком много, если погрузиться слишком глубоко, границы личности начнут размываться. Ты уже не будешь уверен, где заканчиваешься ты и начинаются они.

Но это был только уровень 1. Поверхностный слой. Воспоминание одного предка, одного момента из его жизни.

Мать дошла до уровня 7.

Ирина откинулась на спинку кресла, закрыла глаза. Нужен был перерыв. Время переработать опыт, восстановить чувство себя.

Вместо этого она слышала свой голос:

– Система, синтезировать активаторный комплекс для уровня 2. Увеличить концентрацию на десять процентов.

Что она делает? Это безумие. Нужно остановиться, задокументировать результаты, отдохнуть.

Но любопытство жгло сильнее страха. Она хотела знать. Хотела увидеть глубже. Понять, куда уходит память.

– Синтез начат, – отозвалась система без колебаний. – Расчётное время: сорок пять минут.

Ирина ждала. Пыталась работать с другими данными, проверять результаты, но не могла сосредоточиться. Мысли снова и снова возвращались к воспоминанию. К прадедушке, к его жизни, к простому счастью, которое она сама никогда не испытывала.

У неё не было семьи. Не было близких отношений. Мужчины, с которыми она встречалась, быстро уставали от её одержимости работой. Последний ушёл три года назад, сказав: «Я не могу конкурировать с твоими хромосомами».

Она не винила его. Она действительно любила хромосомы больше, чем людей. Генетический код был логичным, предсказуемым, красивым в своей элегантности. Люди – хаотичны, иррациональны, утомительны.

Но прадедушка любил свою жену. И его любовь была реальной, осязаемой. Ирина почувствовала это. И теперь, когда память осела в сознании, она ощущала странную пустоту. Тоску по чему-то, чего у неё никогда не было.

– Синтез завершён.

Ирина взяла новую ампулу, вставила в инъектор, приложила к шее.

Нажала.

Боль пришла быстрее. И сильнее. Череп словно раскололся пополам. Ирина упала с кресла, оказалась на полу, корчась. Мир взорвался белым светом, звуком, хаосом.

И потом—

Множественность.

Не одно воспоминание. Десятки. Сотни.

Она – молодая женщина в начале двадцатого века, стоящая на перроне вокзала, провожающая мужа на войну.

Она – ребёнок в деревянном доме, зима, голод, холод, страх.

Она – старик, лежащий в постели, чувствующий, как жизнь уходит.

Она – кто-то ещё, и ещё, и ещё.

Жизни накладываются друг на друга, смешиваются, сливаются в неразборчивый поток. Эмоции захлёстывают волнами: радость, горе, страх, любовь, ненависть, надежда, отчаяние. Лица, имена, места, времена – всё это вихрь, который вращается всё быстрее и быстрее, угрожая разорвать сознание на части.

Уровень 2 – ранние Homo sapiens.

Она бежит по саванне, и львица за ней, и сердце колотится от страха смерти.

Она рождает, и боль невыносима, но ребёнок кричит, и облегчение приходит волной.

Она смотрит на звёзды над пустыней и думает о богах.

Слишком много. Слишком много жизней, слишком много опыта, слишком много личностей, борющихся за место в одном сознании.

Кто я?

Ирина. Я – Ирина.

Но кто такая Ирина?

Учёный. Генетик. Дочь Марии.

Да.

Цепляйся за это. За имя. За идентичность.

Я – Ирина Савельева. Мне тридцать восемь лет. Я в лаборатории. Я провожу эксперимент.

Я.

Я.

Я—

Ирина пришла в себя на полу лаборатории. Не знала, сколько прошло времени. Минуты? Часы?

– Система, – голос прозвучал хрипло, с трудом. – Текущее время?

– Шесть часов сорок три минуты.

Сорок минут. Она была в отключке сорок минут.

Ирина попыталась встать, но конечности не слушались. Мышцы свело судорогой. Она осторожно перевернулась на спину, глядя в потолок, и начала дышать медленно, глубоко.

В голове – хаос. Фрагменты чужих воспоминаний, перемешанные с её собственными. Ей нужно было время, чтобы разобраться. Отделить себя от них.

Но под хаосом была уверенность: это работает. Протокол работает. Генетическая память реальна. Мать не ошибалась.

И если первые два уровня существуют, значит, существуют и остальные. Все семь.

Включая тот, что напугал мать настолько, что она выбрала смерть.

Память не с Земли.

Ирина закрыла глаза, всё ещё лёжа на холодном полу. Ей нужно было встать, привести себя в порядок, задокументировать результаты.

Но тело не двигалось. Усталость навалилась как тонна камней.

Только на минутку, подумала она. Отдохну только на минутку.

И провалилась в темноту.

Её разбудил звук открывающейся двери.

Ирина вскочила так резко, что голова закружилась. Она всё ещё лежала на полу лаборатории. Солнечный свет лился из окна – яркий, дневной.

И в дверях стоял директор Института.

Профессор Леонид Георгиевич Малахов. Шестьдесят два года, высокий, седовласый, с лицом, которое когда-то было привлекательным, но теперь изборозжено морщинами усталости и разочарования. Он посвятил жизнь науке, но последние двадцать лет больше занимался административной работой, чем исследованиями. Говорили, он сожалел об этом.

Малахов смотрел на Ирину с выражением, в котором смешались удивление и неодобрение.

– Доктор Савельева, – сказал он. Голос ровный, официальный. – Я надеялся найти вас в лаборатории. Но не ожидал застать в таком... состоянии.

Ирина встала, пошатываясь. Одежда измята, волосы в беспорядке, на губах привкус крови – она прикусила язык во время конвульсий. Должна выглядеть ужасно.

– Профессор, – проговорила она, пытаясь придать голосу формальность. – Извините. Работала всю ночь. Должно быть, задремала.

Малахов прошёл в лабораторию, оглядел беспорядок. Голографические проекции всё ещё висели в воздухе, отображая генетические карты и расшифрованные данные. Его взгляд задержался на них, и брови сдвинулись.

– Работали над чем именно? – спросил он. – Я не помню, чтобы вы подавали заявку на новый проект.

– Личное исследование, – Ирина прошла к столу, попыталась выглядеть естественно. Закрыла несколько проекций жестом. – Анализ эпигенетических паттернов в некодирующих последовательностях. Продолжение работы моей матери.

Лицо Малахова изменилось. Неодобрение сменилось чем-то похожим на жалость.

– Доктор Савельева, – сказал он тише, – мы обсуждали это. Теория вашей матери... она не выдерживает критики. Рецензенты были единодушны. Некодирующая ДНК – это эволюционный мусор, остатки вирусных интеграций и дублированных генов. Там нет никакой закодированной информации, никакой памяти.

– Они ошибались, – Ирина повернулась к нему. В голосе зазвучала та прямолинейность, которая часто отталкивала людей. Она не умела быть дипломатичной, когда дело касалось науки. – И я могу доказать.

Малахов вздохнул.

– Ирина, послушайте. Я понимаю. Ваша мать была талантливым учёным. Её смерть – трагедия. Но пытаться реабилитировать дискредитированную теорию – это не способ почтить её память. Это способ похоронить собственную карьеру.

– У меня есть данные, – настаивала Ирина. – Декодированные последовательности. Паттерны, которые невозможно объяснить случайностью. Это язык, профессор. Настоящий информационный код, закодированный в эпигеноме.

– Покажите.

Ирина колебалась. Потом вызвала одну из проекций – карту генома с маркированными локусами. Малахов подошёл ближе, изучая данные.

Минута молчания. Две.

– Любопытно, – произнёс он наконец. – Структура действительно нетривиальна. Но это может быть артефакт. Алгоритм распознавания образов склонен находить паттерны даже там, где их нет. Парейдолия на генетическом уровне.

– Это не артефакт, – Ирина чувствовала, как растёт раздражение. – Я провела тесты. Протокол активации работает. Я получила доступ к генетической памяти.

Малахов повернулся к ней. Лицо стало жёстче.

– Что вы сказали? Протокол активации?

Слишком поздно Ирина поняла ошибку. Не должна была говорить. Не должна была раскрывать.

– Вы испытали на себе экспериментальный протокол? – голос Малахова повысился. – Без одобрения Этического комитета? Без медицинского надзора? Вы понимаете, насколько это безответственно?

– Это было необходимо—

– Это было безумием! – Малахов шагнул ближе, и Ирина инстинктивно отступила. – Доктор Савельева, я ценю ваш энтузиазм. Но вы пересекли черту. Эксперименты на себе запрещены правилами Института. Более того, если вы использовали институциональное оборудование для несанкционированного исследования... это основание для увольнения.

– Вы не можете—

– Могу. И должен. – Малахов достал коммуникатор – тонкую пластину, которая ожила под его пальцами. – Я уже получил жалобу от Финансового отдела. Кто-то использовал ресурсы «Менделя-9» ночью в течение последних трёх месяцев. Я знал, что это вы, но думал, вы работаете над чем-то разумным. А теперь...

– Профессор, пожалуйста, – Ирина сделала шаг к нему. Отчаяние начинало пробиваться сквозь гордость. – Дайте мне шанс доказать. Позвольте опубликовать данные. Я могу представить их научному сообществу, и они увидят—

– Никто ничего не увидит, – прервал Малахов. – Потому что вы не будете ничего публиковать. Ваш доступ к лаборатории аннулирован. Немедленно.

Ирина остоленела.

– Что?

– Вы слышали. Соберите личные вещи и покиньте здание. Официальное уведомление об увольнении вы получите в течение недели. – Малахов уже шёл к двери. – Система, заблокировать доступ доктора Савельевой ко всем институциональным ресурсам. Авторизация: директор Малахов.

– Блокировка выполнена, – отозвалась система бесстрастным голосом.

Голографические проекции исчезли. Экраны погасли. Лаборатория, которая была домом Ирины последние пятнадцать лет, внезапно стала враждебной.

– Профессор, – голос сломался. – Не делайте этого. Это моя работа. Это всё, что у меня есть.

Малахов остановился в дверях. Обернулся. В его глазах мелькнуло что-то – сожаление? Или просто усталость?

– Тогда должно быть у вас что-то ещё, – сказал он. – Хорошего дня, доктор Савельева.

Дверь закрылась. Замок щёлкнул – не для неё. Теперь её биометрический ключ не работал. Она была заперта внутри, пока не придёт охрана вывести её.

Ирина стояла посреди лаборатории, ощущая, как мир рушится. Карьера закончена. Пятнадцать лет работы – выброшены. Все её исследования, все образцы, все данные – заблокированы.

А потом пришла мысль, ледяная и ясная:

Блокнот матери.

Бумажные дневники. Они всё ещё здесь, на столе. Малахов их не видел. Система не может их заблокировать.

Ирина бросилась к столу, схватила блокноты, запихнула их в рюкзак. Добавила несколько флэш-накопителей с копиями данных – она параноидально дублировала всё на физические носители, не доверяя только облачному хранилищу.

Что ещё? Образцы из криохранилища – нет, туда ей уже не попасть. Медицинское оборудование – нет, слишком много, не унести.

Но координаты. Координаты криохранилища, биометрический ключ матери. Всё это было в файлах, которые она скопировала.

Значит, она ещё может получить доступ. Не здесь, но где-то ещё.

Дверь открылась, и вошли двое охранников в униформе. Высокие, мускулистые, с нейтральными лицами профессионалов.

– Доктор Савельева, – сказал первый, – вас просят покинуть здание. Пожалуйста, следуйте за нами.

Ирина закинула рюкзак на плечо и пошла к выходу. Мимо столов, где работала. Мимо оборудования, с которым обращалась каждый день. Мимо окна, из которого смотрела на город тысячи ночей.

В коридоре её встретили любопытные взгляды коллег. Новости распространяются быстро. Все уже знали: Ирину Савельеву уволили. Сумасшедшую дочь сумасшедшей матери, которая пыталась доказать невозможное.

Лифт. Тридцать восемь этажей вниз. Охранники молчали, и Ирина тоже. Что было сказать?

Вестибюль. Турникеты. Её пропуск больше не работал – система отвергла биометрию. Охранники открыли служебный выход.

И она оказалась на улице. Яркий солнечный день. Люди спешили мимо, погружённые в свои дела, не обращая внимания на женщину с рюкзаком, выходящую из здания Института.

Ирина стояла, глядя на небоскрёб. Сорок этажей стекла и стали. Её дом. Её жизнь.

Больше нет.

Коммуникатор в кармане завибрировал. Сообщение. Она достала устройство, посмотрела на экран.

Неизвестный отправитель. Зашифрованный канал. Текст короткий, без подписи:

«Ваша мать была права. Они за вами наблюдают. Если хотите выжить – бегите. И не останавливайтесь. Координаты для связи в приложении.»

Ирина уставилась на сообщение. Сердце, которое начало было успокаиваться, снова заколотилось.

Кто это? Как они узнали о её эксперименте? О матери? О—

Голос позади:

– Доктор Савельева?

Она обернулась. Мужчина в тёмном костюме, средних лет, с лицом, которое было слишком невыразительным, чтобы запомнить. Именно такие лица были у людей, которые не хотят, чтобы их запоминали.

– Позвольте представиться, – сказал мужчина. – Я из корпорации «Гелиос». У нас есть предложение, которое может вас заинтересовать.

Ирина сделала шаг назад. Инстинкт кричал: опасность.

– Я не заинтересована, – сказала она.

– О, полагаю, вы ещё не знаете деталей, – мужчина улыбнулся. Холодная, профессиональная улыбка. – Мы знаем о вашей работе. О генетической памяти. О протоколе активации. Мы можем предложить вам ресурсы, защиту и возможность продолжить исследования. Всё, что вам нужно.

– Откуда вы знаете о моей работе?

– «Гелиос» знает многое, доктор. Мы следим за перспективными разработками. Ваша мать также была на нашем радаре, но, к сожалению, умерла прежде, чем мы смогли выйти на контакт. – Мужчина сделал шаг ближе. – Не повторяйте её ошибку. Присоединяйтесь к нам. Или...

– Или?

– Или станете мишенью для тех, кто не хочет, чтобы эта технология существовала. – Голос стал жёстче. – Вы понятия не имеете, во что ввязались. Генетическая память – это не просто научное открытие. Это потенциальное оружие. И каждая спецслужба мира уже охотится за вами.

Ирина сжала ремень рюкзака. Мозг работал на максимальной скорости, взвешивая варианты.

Бежать. Сейчас.

– Мне нужно подумать, – сказала она.

– Конечно, – мужчина протянул пластиковую карту. – Контакт. Когда решите, свяжитесь. У вас есть сорок восемь часов.

Ирина взяла карту. На ней не было ничего, кроме номера. Анонимная линия связи.

Мужчина развернулся и пошёл прочь, растворяясь в толпе. Ирина смотрела ему вслед, потом посмотрела на карту, потом на сообщение в коммуникаторе.

«Бегите.»

Да. Бежать.

Но куда?

Домой нельзя – наверняка там уже ждут. К друзьям? У неё не было друзей. К коллегам? Никто не рискнёт помочь уволенной сотруднице.

Значит, одна. Как всегда.

Ирина зашагала прочь от Института, сливаясь с потоком людей. Никто не обращал на неё внимания. Ещё один человек среди миллионов. Легко потеряться. Легко исчезнуть.

Но коммуникатор в кармане казался внезапно тяжёлым, словно содержал нечто опасное. Его можно отследить. Даже зашифрованное сообщение оставляет цифровые следы.

На ближайшей мусорной урне Ирина остановилась, достала коммуникатор, колебалась секунду, потом бросила его внутрь. Устройство стукнулось о дно с глухим звуком.

Связь оборвана. Теперь её нельзя отследить. По крайней мере, этим способом.

Она пошла дальше, не оборачиваясь. Рюкзак на плече, дневники матери внутри, и ключ к тайне, которая могла изменить человечество. Или уничтожить его.

«Не позволяй им использовать это как оружие.»

Последняя просьба матери.

Ирина не знала, сможет ли выполнить её. Но попытается.

Даже если это будет стоить ей жизни.

Глава 2. Глубина

Кембридж, Англия

10 февраля 2635 года

Грузовой магнитный поезд мчался по тоннелю под Ла-Маншем со скоростью тысяча восемьсот километров в час. Ирина сидела в тесном контейнере между ящиками с промышленными деталями, обхватив колени руками, пытаясь не думать о тоннах воды над головой и о том, что случится, если её обнаружат.

Девять дней прошло с момента увольнения из Института. Девять дней бегства, скрывания, непрерывного движения. Она спала в дешёвых капсульных отелях, где не требовали документов, питалась синтетической едой из автоматов, избегала камер наблюдения. Деньги таяли пугающе быстро – цифровые средства она не могла использовать, слишком легко отследить, оставались только наличные, спрятанные в квартире на чёрный день.

Квартиру она покинула через два часа после встречи с представителем «Гелиоса». Зашла через служебный вход, поднялась по лестнице, избегая лифта с камерами, собрала самое необходимое за пятнадцать минут. Паспорт, запасные очки, сменная одежда, наличные в старой металлической коробке под половицей – привычка, унаследованная от матери, которая не доверяла банкам. Семнадцать тысяч рублей. На самом деле, немного для побега за границу, но больше не было.

Выходя, она заметила чёрный автомобиль на противоположной стороне улицы. Тонированные окна. Двигатель работал. Никого внутри видно не было, но инстинкт подсказывал: наблюдение.

Она ушла через соседний дом, через подвальный коридор в заброшенную часть здания, выбралась в параллельный переулок. Древние навыки городского выживания, которым её научил дядя – брат отца, бывший военный. Он умер, когда ей было шестнадцать, но уроки остались. «В городе всегда есть второй выход, – говорил он. – Нужно только его найти».

От магнитного трамвая отказалась – биометрия при входе. Взяла старый автобус на водороде, где всё ещё принимали наличные. Доехала до окраины Новой Москвы, до района Внуково-4, где жили мигранты с Востока и правила были более гибкими.

Там она нашла то, что искала: нелегального перевозчика.

Грузовые поезда между Россией и Европой ходили каждые два часа, перевозя миллионы тонн товаров. Большинство контейнеров сканировались автоматически, но некоторые – те, что принадлежали «правильным» людям – проходили без проверки. За пять тысяч рублей перевозчик по имени Ахмед спрятал её в одном из таких контейнеров. За дополнительную тысячу дал поддельное удостоверение генетического паспорта – грубая работа, но достаточная для поверхностной проверки.

– Не высывайся, когда приедешь, – посоветовал Ахмед, закрывая контейнер. – В Европе с идентификацией строже. Если поймают нелегалом – депортируют. Или хуже.

Контейнер закрыли. Темнота. Звук погрузки. Рывок, когда поезд тронулся.

И вот уже девять часов она сидела в тесноте, чувствуя, как поезд проносится через континент. Москва – Варшава – Берлин – Брюссель – Лондон. Пять тысяч километров за двенадцать часов. Чудо технологии двадцать седьмого века.

Но для Ирины это была просто клаустрофобная металлическая коробка.

Она достала коммуникатор – новый, купленный на чёрном рынке, незарегистрированный. Включила в автономном режиме, без связи с сетью, открыла файлы, скопированные из лаборатории.

Координаты матери. Адрес в Кембридже. Лаборатория древней ДНК при университете. Доктор Джеймс Кидд, палеогенетик. Мать упоминала его в дневниках – старый коллега, единственный, кто не отвернулся после скандала. Они переписывались до самой её смерти.

Ирина не знала, примет ли он её. Прошло пятнадцать лет. Кидд был стар уже тогда – сейчас ему должно быть за шестьдесят. Возможно, он уже на пенсии. Возможно, не помнит Марию. Возможно, захлопнет дверь перед носом.

Но выбора не было. Кидд был единственным человеком, который мог понять. Единственным, кто имел доступ к оборудованию и образцам, необходимым для продолжения исследований.

Поезд начал замедляться. Ирина почувствовала изменение давления в ушах – выход из тоннеля. Лондон. Грузовой терминал Сент-Панкрас-Карго, согласно маршруту.

Она натянула капюшон куртки, спрятала волосы, приготовилась. Когда контейнер откроют, нужно будет действовать быстро. Выскочить до того, как автоматические системы запустят инвентаризацию груза.

Поезд остановился. Звуки выгрузки: лязг, гул подъёмных механизмов, голоса рабочих. Контейнер качнуло, подняли, перенесли куда-то.

Потом – тишина.

Ирина подождала пять минут. Десять. Пятнадцать.

Достала из рюкзака складной мультитул – ещё одно наследие от дяди. Нашла в темноте внутренний механизм замка, начала откручивать болты. Работа заняла двадцать минут, пальцы скользили от пота, и дважды отвёртка срывалась с резьбы, но в конце крышка поддалась.

Щель света. Ирина выглянула наружу.

Склад. Огромное помещение с потолками высотой метров в тридцать. Ряды контейнеров, штабелированных роботами-погрузчиками. Автоматизированная система – никаких людей поблизости.

Она выбралась из контейнера, прыгнула на бетонный пол. Колени подогнулись от долгого сидения в одной позе. Постояла минуту, разминая затёкшие мышцы, потом двинулась к выходу.

Камеры были везде, но она знала: на складе такого масштаба видеопотоки обрабатывались ИИ, искавшим аномалии – бегущих людей, подозрительное поведение, угрозы безопасности. Если идти спокойно, как будто знаешь, куда направляешься, система может не обратить внимания.

Ирина шла уверенным шагом. Мимо контейнеров. Мимо роботов-погрузчиков. К служебному выходу с зелёным знаком «EXIT».

Дверь открылась от толчка – пожарный выход, не заблокированный по правилам безопасности.

И она оказалась на улице. Холодный лондонский воздух ударил в лицо. Февраль в Англии был влажным и промозглым. Небо затянуто серыми облаками. Моросил мелкий дождь.

Лондон встретил её равнодушно, как встречал миллионы приезжих каждый день. Город гигантов – небоскрёбы простирались до горизонта, многие выше километра, соединённые подвесными магнитными дорогами и мостами. Старый исторический центр – Биг-Бен, Тауэр, Букингемский дворец – давно превратился в музей, окружённый современными постройками. Настоящий Лондон жил вокруг старого, разросшись во все стороны.

Ирина вызвала голографическую карту на коммуникаторе. Сент-Панкрас до Кембриджа – сто десять километров на север. Скоростной поезд идёт двадцать минут, но требует регистрации. Автобусы принимают наличные, но едут два часа. Автономное такси – слишком дорого и тоже требует регистрации.

Оставался один вариант: автостоп. Старый, почти забытый способ передвижения, который существовал, пока существовали дороги.

Ирина вышла на главное шоссе, ведущее на север. Встала у обочины, подняла руку. Автомобили проносились мимо – все автономные, без водителей. Система распознавала её жест, но алгоритмы не были запрограммированы на подбор пассажиров.

Двадцать минут она стояла под дождём, прежде чем остановился грузовик. Старая модель, с водителем-человеком за рулём. Мужчина средних лет с седой бородой высунулся в окно.

– Куда едешь, красавица?

– Кембридж, – ответила Ирина.

– Прыгай. Я как раз туда.

Она забралась в кабину. Внутри пахло синтетическим кофе и старым табаком – редкость, табак был почти полностью запрещён в Европе, но водители грузовиков оставались консервативны.

– Туристка? – спросил мужчина, трогаясь с места.

– Студентка, – соврала Ирина. – Еду в университет.

– Понятно. – Он не стал расспрашивать дальше, за что она была благодарна.

Грузовик двигался по шоссе, обгоняя автономные автомобили. Скорость ограничена ста двадцатью километрами в час – медленно по современным меркам, но для грузовика приемлемо.

Ирина смотрела в окно, наблюдая, как пролетают мимо поля и деревни. Англия сохранила сельские территории лучше, чем Россия – здесь не было гигантских агропромышленных комплексов, больше мелких ферм, где выращивали органическую продукцию для элиты.

Через полтора часа показались шпили Кембриджа.

Город выглядел как смесь средневековья и будущего. Старые готические здания университета, построенные столетия назад, окружённые современными исследовательскими центрами из стекла и стали. Студенты шли по улицам, многие в традиционных мантиях – Кембридж держался за свои традиции упорнее большинства.

Водитель высадил её у центральной площади.

– Удачи в учёбе, – пожелал он.

– Спасибо за поездку.

Грузовик уехал, и Ирина осталась одна на площади. Дождь усилился. Она достала коммуникатор, проверила адрес. Лаборатория древней ДНК находилась в северном кампусе, здание Института эволюционной антропологии.

Пешком двадцать минут. Она пошла, прячась под козырьками зданий от дождя, стараясь не привлекать внимания.

Кембриджский университет был одним из старейших в мире – основан в 1209 году, более восьмисот лет назад. За это время он пережил войны, революции, технологические перевороты, но остался центром науки и образования. Здесь учились и работали десятки нобелевских лауреатов. Здесь были сделаны открытия, изменившие человечество.

И здесь работал доктор Джеймс Кидд.

Здание Института было относительно новым – построено лет тридцать назад, четырёхэтажная структура из армированного стекла и композитных материалов. Фасад выглядел как прозрачный кристалл, внутри которого видны были лаборатории и офисы.

Ирина подошла к главному входу. Турникеты с биометрическими сканерами. Охранник в будке, читающий что-то на планшете.

Она не могла просто войти. У неё не было пропуска, не было приглашения. Биометрия выдаст, что она не числится в базе университета.

Значит, нужен другой способ.

Ирина обошла здание, изучая периметр. Служебный вход с восточной стороны. Погрузочная платформа. Несколько курящих сотрудников в белых халатах – они вышли подышать свежим воздухом, несмотря на дождь.

Она подождала, пока они вернутся внутрь. Дверь закрылась, но не заблокировалась – противопожарные правила требовали, чтобы аварийные выходы можно было открыть изнутри без ключа.

Ирина подошла, толкнула дверь. Та поддалась.

Внутри – служебный коридор. Бетонные стены, трубы под потолком, флуоресцентное освещение. Запах химикатов и стерильности. Она шла быстро, уверенно, как будто имела право здесь находиться.

Лифт. Кнопка на третий этаж – там, согласно информации с сайта университета, располагалась лаборатория древней ДНК.

Двери открылись. Коридор, уже более презентабельный – белые стены, линолеум, таблички на дверях.

«Лаборатория палеогенетики – 312».

Ирина остановилась у двери, вдохнула глубоко. Что она скажет? «Здравствуйте, я дочь вашей коллеги, которая покончила с собой пятнадцать лет назад, и мне нужна помощь в продолжении её безумных исследований»?

Слишком поздно сомневаться. Она постучала.

Пауза. Шаги изнутри. Дверь открылась.

Мужчина, стоявший в дверях, выглядел старше своих шестидесяти семи лет. Высокий, худой до изможденности, с седыми волосами до плеч и бородой. Глаза бледно-голубые, почти выцветшие, но острые. Он был в мятом свитере и джинсах, покрытых пятнами – что-то пролил недавно.

– Да? – голос был хриплым, с английским акцентом.

– Доктор Кидд?

– Он самый. А вы кто?

– Меня зовут Ирина Савельева. Я дочь Марии Савельевой.

Лицо Кидда изменилось. Глаза расширились, и на мгновение в них мелькнуло что-то – узнавание? Страх? Удивление?

– Мария, – повторил он медленно. – Господи. Ты её... да, конечно. У тебе её глаза. – Он отступил, открывая дверь шире. – Входи. Быстро. И закрой за собой.

Ирина вошла. Лаборатория была меньше, чем её собственная в Институте – два рабочих стола, несколько единиц оборудования, полки с образцами. Окно выходило на внутренний дворик университета. Беспорядок – бумаги, чашки с недопитым кофе, открытые блокноты.

Кидд запер дверь, повернулся к ней. Изучал её лицо с интенсивностью, которая была почти неудобной.

– Как ты меня нашла?

– Мать оставила записи. В них было ваше имя. Адрес.

– И ты приехала сюда зачем? – В голосе не было враждебности, только любопытство.

– Мне нужна помощь. Я продолжила работу матери. Я нашла... – она запнулась, подбирая слова. – Я нашла то, что она искала. Генетическая память реальна. Я активировала протокол. Видела воспоминания предков.

Кидд не выглядел удивлённым.

– Знаю, – сказал он просто. – Я тоже.

Теперь удивилась Ирина.

– Что?

– Я тоже активировал протокол. Три месяца назад. – Кидд прошёл к столу, налил себе воды из графина. Рука дрожала. – Мария прислала мне часть данных перед смертью. Я про-

должил её работу. Тайно. Никто в университете не знает. Я воссоздал активаторный комплекс, провёл эксперимент на древних образцах ДНК.

– На каких образцах?

– Неандертальских. – Кидд допил воду, поставил стакан. – У меня есть доступ к костям, найденным в пещерах Испании. Пятьдесят тысяч лет. Я извлёк ДНК, реконструировал эпигеном, активировал память.

– И?

– И увидел их жизнь. Неандертальцев. Охоту. Ритуалы. Страхи. – Голос Кидда стал тише. – Но это не всё. Активация... она не ограничивается воспоминаниями. Она меняет тебя.

Он закатал рукав свитера, показывая руку. Ирина ахнула.

Кожа была неправильной. Участки более грубые, покрытые жёсткими волосами. Мышцы – более развитые, плотные, словно перестроенные под большую силу. Пальцы чуть толще, чем должны быть, суставы крупнее.

– Мои клетки мутируют, – объяснил Кидд. – Генетическая память не просто даёт воспоминания. Она активирует древние гены, подавленные в процессе эволюции. Я становлюсь ближе к неандертальцу. Физически.

– Боже мой, – прошептала Ирина. – Насколько глубоко?

– Не знаю. Процесс продолжается. Каждую неделю нахожу новые изменения. Плотность костей увеличилась на восемнадцать процентов. Мышечная масса на двадцать три процента. Обоняние обострилось настолько, что улавливаю феромоны. Ночное зрение улучшилось. – Он посмотрел на свою руку с выражением, в котором смешались восхищение и ужас. – Я превращаюсь в другой вид.

– Можете ли вы остановить процесс?

– Нет. Твоя мать была права. Это необратимо. – Кидд опустил рукав. – Но я не хочу останавливать. Это невероятно. Я чувствую себя сильнее, чем когда-либо. Ум работает иначе – более интуитивно, менее аналитически. Эмоции интенсивнее. Я... я живу по-настоящему впервые за шестьдесят семь лет.

В его глазах был жар фанатика. Ирина узнавала этот взгляд – видела его в зеркале, когда работала до изнеможения над очередной задачей. Одержимость открытием.

– У меня рак, – добавил Кидд буднично. – Поджелудочная железа. Четвёртая стадия. Врачи дали мне полгода. Это было семь месяцев назад. – Он улыбнулся, и улыбка была хищной, нечеловеческой. – Но трансформация останавливает рак. Мутирующие клетки как будто получили новую программу. Опухоль уменьшилась на сорок процентов. Возможно, я буду жить дольше, чем думал. Возможно, гораздо дольше.

Ирина не знала, что сказать. Кидд явно был рад трансформации. Принял её. Возможно, даже искал.

– Вы дошли до уровня три? – спросила она. – Неандертальская память – это уровень три по классификации матери.

– Да. И хочу пойти глубже. – Кидд шагнул ближе, и Ирина заметила, как он двигается – более тяжело, с весом, которого не было раньше. Менее изящно, но более мощно. – Ты сказала, что активировала протокол на себе. Насколько глубоко ты зашла?

– Уровень два. Ранние Homo sapiens.

– Значит, ты чувствовала это. Изменения.

– Да. Но я испугалась. Остановилась.

– Зря, – сказал Кидд. – Страх – это эволюционная защита. Но мы учёные. Мы преодолеваем страх ради знания. – Он вернулся к столу, открыл ящик, достал блокнот. – У меня есть теория. Генетическая память – это не просто архив. Это программа. Эволюционная программа, встроенная в ДНК. Каждый уровень активирует определённый набор генов, опреде-

лённые трансформации. Уровень один даёт воспоминания недавних предков. Уровень два – ранних людей. Уровень три – неандертальцев. Но дальше...

– Дальше уровни четыре, пять, шесть, – продолжила Ирина. – Ранние гоминиды, млекопитающие, первые многоклеточные.

– И уровень семь. – Кидд посмотрел ей в глаза. – Твоя мать писала о нём. Аномальная память. Внеземная. Ты видела её данные?

– Да. Я расшифровала координаты. Видела фрагменты. Другой мир. Два солнца. Цивилизация, создавшая споры и разославшая их в космос.

– И ты не хочешь знать больше? Не хочешь увидеть это собственными глазами?

Конечно, хотела. Вопрос был риторическим. Ирина хотела этого больше, чем чего-либо ещё.

– Хочу, – призналась она. – Но мать предупреждала. Говорила, что уровень семь изменил её настолько, что она не могла оставаться собой.

– Изменение – это эволюция, – ответил Кидд. – Мария боялась. Я понимаю почему. Но мы не должны бояться. Мы должны принять. – Он положил руку ей на плечо, и хватка была неожиданно сильной. – Ирина, у меня есть оборудование. Образцы древней ДНК, уходящие в глубь времён. Мы можем пойти дальше, чем твоя мать. Мы можем дойти до самого начала. До уровня семь. И понять правду.

– Почему вы не сделали это сами?

– Пытался. Но для активации глубоких уровней нужна живая нервная ткань. Свежая. Древняя ДНК даёт воспоминания, но не полноценную активацию. – Он отпустил её плечо. – Мне нужен партнёр. Кто-то, кто осмелится пройти путь до конца. Твоя мать должна была быть этим человеком. Но она... не выдержала. Ты выдержишь?

Ирина смотрела на него. Старик, превращающийся в неандертальца, предлагал ей вместе нырнуть в пропасть памяти, которая убила её мать.

Безумие. Абсолютное безумие.

– Да, – сказала она. – Я выдержу.

Кидд улыбнулся. Зубы были слегка жёлтыми, чуть крупнее, чем раньше. Ещё один признак трансформации.

– Отлично. Начнём прямо сейчас. – Он повернулся к оборудованию, начал что-то настраивать. – У меня есть образцы возрастом до миллиарда лет. Бактериальная ДНК, извлечённая из кристаллов соли. Примитивная, но сохранившаяся. Если твоя мать права, и память идёт глубже... мы увидим.

Ирина сбросила рюкзак, подошла ближе. Её сердце билось чаще, и не от страха. От возбуждения. От предвкушения.

Она собиралась сделать то, ради чего приехала сюда. Дойти до самого дна памяти. До ответов.

Кидд работал быстро, профессионально. Достал из холодильника пробирку с образцом, поместил под микроскоп. На экране появилась увеличенная структура – древняя бактериальная клетка, сохранившаяся в кристаллизованной соли миллиард лет.

– Красиво, не правда ли? – проговорил он. – Жизнь находит способы пережить время. Эта клетка была жива, когда на Земле ещё не было многоклеточных организмов. Только бактерии и археи. Простейшие. Но уже содержащие ДНК. Уже хранящие информацию.

Он начал процесс экстракции. Ирина наблюдала, узнавая процедуры – похожие на те, что проводила сама. Лизис клетки, выделение ДНК, амплификация с помощью ферментов.

– Это займёт несколько часов, – сказал Кидд. – Пока можем обсудить теорию. Хочешь кофе?

– Пожалуйста.

Он налил две чашки из старой кофеварки в углу. Кофе был крепким, горьким, настоящим – не синтетика, а натуральные зёрна.

Они сели за стол, и Кидд начал объяснять свою теорию. Говорил часами, с жаром, прерываемый только глотками кофе. Ирина слушала, иногда задавая вопросы, иногда добавляя собственные наблюдения.

Теория была радикальной. Кидд предполагал, что жизнь на Земле была не результатом случайной химической реакции, а направленным процессом. Инопланетная цивилизация, умирающая вместе со своей звездой, создала биологические споры – не просто семена жизни, а генетически запрограммированные организмы. Внутри каждой споры была закодирована полная информация о создателях: их история, культура, технологии, память.

Когда споры попали на Землю четыре миллиарда лет назад, они начали эволюционировать. Но эволюция не была случайной. Она следовала программе, встроенной в ДНК. От простейших бактерий к многоклеточным организмам. От первых животных к позвоночным. От рыб к амфибиям, рептилиям, млекопитающим. И наконец – к приматам. К человеку.

Каждый этап эволюции был предсказан и запланирован создателями. Человек не был случайностью. Мы были целью. Конечным продуктом генетической программы, длившейся миллиарды лет.

– Но зачем? – спросила Ирина. – Зачем им создавать нас?

– Бессмертие, – ответил Кидд. – Не физическое. Информационное. Они не могли спасти свои тела. Но могли сохранить свою сущность, свою память, свою культуру. Закодировав её в ДНК и разослав во все стороны космоса. Рано или поздно, где-то во вселенной, эволюция породит разумный вид. И когда этот вид достигнет достаточного технологического уровня, он сможет активировать память и узнать о создателях. – Он допил кофе, поставил чашку. – Мы – живые памятники вымершей цивилизации. Генетические библиотеки, хранящие их наследие.

– И активация памяти – это ключ к чтению этой библиотеки.

– Именно. – Кидд встал, подошёл к окну, смотрел на дождливый Кембридж. – Твоя мать была первой, кто приблизился к пониманию. Но она испугалась того, что нашла. Я не буду повторять её ошибку.

– Моя мать не ошиблась, – сказала Ирина резче, чем собиралась. – Она поняла, что активация опасна. Что трансформация может уничтожить человечность.

– Человечность переоценена, – отозвался Кидд. Он повернулся, и в свете окна его лицо выглядело нечеловеческим. Скулы более выступающие, надбровные дуги тяжелее. – Посмотри на мир, Ирина. Человечество – это войны, эксплуатация, разрушение планеты. Мы – несовершенный вид. Возможно, трансформация – это шанс стать чем-то лучшим.

Ирина не знала, согласна ли она. Но спорить не хотелось. Она приехала не за философией, а за знаниями.

– Сколько ещё ждать?

Кидд посмотрел на таймер.

– Два часа. Можешь отдохнуть. В соседней комнате есть диван.

Ирина прошла в указанную комнату – крошечное помещение, больше похожее на чулан. Старый диван, покрытый пледом. Полки с книгами – настоящими бумажными книгами, редкость в цифровую эпоху.

Она легла, натянула плед, закрыла глаза. Тело было измождено после бессонной ночи в контейнере и поездки. Ей нужен был отдых.

Но сон не приходил. Мысли кружились. Слова Кидда. Слова матери. Память внеземной цивилизации, ожидающая в глубине ДНК.

Что она увидит, когда активирует уровень семь? Другой мир? Другую жизнь? Или что-то, что сведёт её с ума, как свело мать?

Она не знала. И не могла остановиться, даже если бы хотела.

Любопытство было сильнее страха.

Ирину разбудил звук открывающейся двери.

– Готово, – сказал Кидд. – Образец подготовлен. Активаторный комплекс синтезирован. Она встала, потянулась. Суставы хрустнули. Спала меньше часа, но даже это помогло.

Вернулась в лабораторию. Кидд стоял у стола, где была установлена сложная система – несколько микроскопов, спектрометр, ПЦР-машина, синтезатор белков. Рядом – медицинское кресло с подголовником и множеством датчиков.

– Процедура проста, – объяснил Кидд. – Ты садишься, я подключаю датчики. Вводим активаторный комплекс внутривенно. Ждём десять-пятнадцать минут. Память начнёт всплывать. Я буду мониторить твои жизненные показатели и записывать всё, что происходит.

– А если что-то пойдёт не так?

– У меня есть реанимационное оборудование. Дефибриллятор, адреналин, всё необходимое. – Он похлопал по ящику рядом с креслом. – Но ничего не пойдёт не так. Я уже проходил через это.

Ирина села в кресло. Холодная кожа прижалась к спине. Кидд начал прикреплять датчики – к груди, к вискам, к запястьям. Электроды для мониторинга сердечного ритма, мозговой активности, кровяного давления.

– Расслабься, – посоветовал он. – Чем спокойнее ты будешь, тем лучше.

Лёгко сказать. Сердце уже колотилось, руки дрожали. Ирина сжала подлокотники кресла, пытаясь унять дрожь.

Кидд взял шприц с активаторным комплексом. Жидкость внутри была слегка опалесцирующей, переливалась разными цветами на свету.

– Это концентрированная версия, – сказал он. – Мы идём напрямую к глубоким уровням, минуя промежуточные. Это может быть интенсивно.

– Насколько интенсивно?

– Очень. – Он нашёл вену на её руке, ввёл иглу. – Готова?

Ирина кивнула.

Кидд нажал на поршень. Активаторный комплекс потёк в её кровоток, холодный и странно тяжёлый.

Секунда. Две. Пять.

Ничего.

Десять секунд.

И потом – взрыв.

Боль пронзила мозг, как тысяча ножей одновременно. Ирина закричала, дёрнулась, но Кидд держал её, не давая упасть с кресла.

– Держись! – кричал он. – Это пройдёт!

Но не проходило. Боль усиливалась, разрасталась, заполняла всё сознание. Мир исчез. Лаборатория растворилась.

И она начала падать.

Вниз.

Сквозь слои памяти.

Быстрее и быстрее.

Уровень три: Неандертальцы.

Холод. Пещера. Огонь в центре. Запах дыма и жареного мяса. Она – он? – сидит у огня, разделывая тушу оленя каменным ножом. Руки сильные, покрытые шрамами. Рядом – дру-

гие. Клан. Семья. Они говорят – не словами, не такими, как современный язык, но звуками, жестами. Примитивная речь, но достаточная для общения.

Ночь. Звёзды над головой. Они смотрят на небо и задаются вопросом: что там, наверху? Боги? Духи предков?

Память ускоряется.

Уровень четыре: Ранние гоминиды.

Саванна. Жара. Она бежит на двух ногах – недавно научилась, это всё ещё неудобно. Львы позади. Страх, чистый животный страх. Добежать до деревьев. Забраться наверх. Безопасность.

Найти палку. Заострить камнем. Защищаться.

Первые инструменты. Первые проблески разума.

Память ускоряется.

Уровень пять: Ранние млекопитающие.

Темнота. Земля. Нора. Она маленькая, пушистая, дрожащая. Над головой – тяжёлые шаги. Динозавры. Гиганты, правящие миром. Она прячется, ждёт, когда они уйдут. Выжить. Размножиться. Продолжить род.

Память ускоряется.

Уровень шесть: Первые многоклеточные.

Океан. Тёплая вода. Она плывёт – примитивное существо, мешок клеток. Есть. Расти. Делиться.

Простейшая жизнь. Но жизнь.

Память ускоряется.

И потом—

—разрыв.

Пустота.

Ничего.

Миллиарды лет небытия.

И потом—

Уровень семь.

СВЕТ.

Красный свет. Два солнца поднимаются над горизонтом – одно большое, оранжевое, другое меньше, белое. Двойная звезда. Небо не голубое, как на Земле. Красноватое, с полосами фиолетового.

Она стоит на поверхности планеты. Но это не Земля. Гравитация чуть слабее. Воздух пахнет иначе – сладковато, с примесью чего-то металлического.

Она смотрит на своё тело. Не человеческое. Не даже похожее на человеческое. Удлинённое, с хитиновым покровом. Шесть конечностей. Множество глаз. Восприятие другое – видит ультрафиолет, инфракрасный спектр. Слышит звуки за пределами человеческого диапазона.

Она – не она. Существо. Член древней цивилизации.

Память разворачивается.

Город. Огромный, раскинувшийся на сотни километров. Но не похожий на человеческие города. Постройки органические, выращенные, а не построенные. Живые здания, пульсирующие, дышащие. Биотехнология, доведённая до совершенства.

Тысячи существ движутся по улицам. Работают. Общаются. Живут. Цивилизация древняя, мудрая, развитая.

Но умирающая.

Звезда расширяется. Красный гигант пожирает планеты одну за другой. Температура поднимается. Океаны испаряются. Атмосфера улетучивается.

У них есть десять тысяч лет. Может, меньше.

Они не могут бежать. Технология космических полётов развита, но недостаточно. Ближайшая звезда – слишком далеко. Не хватит энергии. Не хватит времени.

Другое решение.

Лаборатория. Огромная, размером с город. Тысячи учёных работают над проектом. Последним проектом цивилизации.

Создать жизнь. Не просто организмы. Носителей информации. Генетические капсулы времени.

Каждая спора содержит полный геном создателей. Всю их историю, закодированную в ДНК. Всю их культуру, память, знания. Споры выживут в космосе. Радиация не уничтожит их. Холод не убьёт. Они будут дрейфовать миллионы лет, миллиарды.

И когда попадут на планету с подходящими условиями, начнут эволюционировать. Медленно, через миллиарды лет, создадут новую жизнь. Новую цивилизацию.

Которая однажды сможет активировать память и узнать правду.

Запуск. Миллиарды спор выстреливаются в космос. Во все стороны. К тысячам звёзд.

Надежда. Отчаянная, слабая надежда.

И потом—

— планета умирает. Звезда расширяется дальше, поглощает мир. Всё живое сгорает. Города превращаются в пепел. Цивилизация исчезает.

Но споры летят. Несут память.

Одна из них достигнет Земли. Через миллиард лет. Упадёт в первичный океан. Начнёт эволюцию.

И через четыре миллиарда лет создаст человечество.

Ирина вернулась в сознание с криком.

Она лежала на полу лаборатории. Кидд склонился над ней, его лицо было бледным от испуга.

– Ты в порядке? – спрашивал он. – Ирина, ты меня слышишь?

Она не могла говорить. Горло сжато. Слёзы текли по щекам. Всё тело тряслось.

Она видела. Видела всё. Их мир. Их смерть. Их последнюю надежду.

И поняла: мать была права.

Человечество – не случайность. Мы – потомки вымершей цивилизации. Созданные намеренно. Генетически запрограммированные носители чужой памяти.

Мы – не люди. Никогда не были.

Мы – живые памятники.

Кидд помог ей сесть, поднёс стакан воды. Ирина пила, давясь, проливая на себя.

– Что ты видела? – спрашивал Кидд. Его голос дрожал от возбуждения. – Расскажи. Что было на уровне семь?

Она рассказала. Говорила медленно, с трудом находя слова. Описывала двойную звезду, красное небо, существ с хитиновым покровом. Умирающую планету. Лабораторию. Споры.

Кидд слушал, записывая каждое слово. Его глаза горели.

– Невероятно, – шептал он. – Абсолютно невероятно. Мы – потомки инопланетян. Вся жизнь на Земле – результат панспермии. Направленной, целенаправленной панспермии. – Он встал, начал ходить по лаборатории. – Это переворачивает всё. Биологию. Эволюцию. Само понимание того, кто мы такие.

– Они мертвы, – сказала Ирина хрипло. – Их мир мёртв. Их звезда поглотила планету миллиарды лет назад. От них ничего не осталось. Кроме нас.

– Но мы живы. – Кидд повернулся к ней. – Их память жива в нас. Мы – их наследники. Их продолжение. Разве ты не видишь? Это величайшая честь. Величайшая ответственность. Мы должны сохранить их память. Изучить её. Понять.

Ирина не чувствовала чести. Она чувствовала тяжесть. Груз чужой истории, лежащий на плечах всего человечества.

– Нам нужно опубликовать это, – сказала она. – Мир должен знать.

– Нет. – Кидд покачал головой. – Не сейчас. Слишком рано. Нужны дополнительные исследования. Проверка. Если мы опубликуем недостаточные данные, нас засмеют. Как твою мать.

– Тогда что делать?

– Продолжать работу. Собрать неопровержимые доказательства. – Он вернулся к столу, начал что-то печатать на компьютере. – У меня есть доступ к образцам из разных временных периодов. Мы можем картировать генетическую память на всех уровнях эволюции. Создать полную карту. Расшифровать всю информацию, закодированную создателями.

Ирина встала, пошатываясь. Голова кружилась. Тело чувствовалось чужим.

И потом она заметила.

Руки. Её руки. Кожа на тыльной стороне ладоней была другой. Слегка грубее. Волоски – более жёсткие.

– О нет, – прошептала она.

Кидд обернулся, увидел её взгляд.

– Трансформация, – сказал он. – Я предупреждал. Активация глубоких уровней запускает изменения.

– Как остановить?

– Никак. – Он подошёл, взял её руку, изучил кожу. – Но это только начало. Процесс займёт недели, может быть, месяцы. Изменения будут постепенными.

– Во что я превращусь?

– Не знаю. Каждый человек носит уникальную комбинацию генов от разных предков. Твоя трансформация будет зависеть от того, какие древние гены активируются. – Он отпустил её руку. – Но это делает тебя уникальной. Живым доказательством теории.

Ирина смотрела на свои руки. Уже не полностью человеческие. Начинающие превращение во что-то иное.

Мать выбрала смерть вместо этого. Ирина начинала понимать почему.

– Нам нужно время, – сказал Кидд. – Несколько дней, чтобы провести дополнительные тесты. У меня есть комната наверху, где ты можешь остаться. Никто не узнает. Университет большой, легко затеряться.

– Хорошо, – согласилась Ирина. Что ещё ей оставалось?

Кидд показал ей узкую лестницу, ведущую на четвёртый этаж. Там, под крышей здания, была маленькая комната – больше похожая на чердак. Старая кровать, стол, окно в крыше.

– Извини за скромность, – сказал Кидд. – Я иногда здесь ночую, когда работаю допоздна.

– Спасибо. – Ирина опустилась на кровать. Усталость накрыла волной.

– Отдыхай. Я продолжу анализ данных. Если что понадобится – спускайся.

Он ушёл, закрыв дверь. Ирина осталась одна.

Она легла, глядя в окно в крыше. За стеклом – серое небо Англии. Дождь барабанил по крыше.

Она думала о красном небе чужого мира. О двух солнцах. О существах, которые создали жизнь на Земле и умерли, не увидев результата.

Мы – их дети. Генетические дети цивилизации, вымершей миллиарды лет назад.

Что это значит для человечества? Для всей истории? Для будущего?

Ирина не знала.

Но знала одно: теперь, когда она видела правду, она не могла остановиться. Должна была идти дальше. Понять больше. Расшифровать всю память.

Даже если это стоило бы ей человечности.

Она закрыла глаза и провалилась в беспокойный сон.

Три дня они работали без остановки.

Кидд был одержим. Он спал по три-четыре часа в сутки, остальное время проводя в лаборатории. Ирина помогала – анализировала образцы, запускала тесты, обрабатывала данные.

Они картировали генетическую память на всех уровнях. От недавних предков до первых многоклеточных. И глубже. До бактерий. До самых древних форм жизни на Земле.

И везде, на каждом уровне, они находили следы. Паттерны, которые не могли быть случайными. Закодированная информация. Память создателей, распределённая по всей эволюционной истории.

– Это как библиотека, – говорил Кидд, изучая данные. – Каждый вид – это книга. Каждый ген – это страница. Вся история жизни на Земле – это одна гигантская книга, написанная создателями.

Они расшифровывали фрагменты. Кусочки истории чужой цивилизации. Их язык, культуру, технологии. Всё закодировано в ДНК, в некодирующих последовательностях, в эпигенетических метках.

И с каждым днём Ирина чувствовала, как меняется.

Кожа на руках становилась грубее. Мышцы – плотнее. Чувства обострялись. Она начала улавливать запахи, которые раньше не замечала. Слышать звуки за пределами нормального диапазона.

Её тело адаптировалось. Активированные гены перестраивали организм, делая его ближе к древним формам.

Кидд испытывал то же самое. Его трансформация зашла дальше – он уже почти не был похож на современного человека. Скелет изменился, мышцы перераспределились, лицо стало более примитивным.

Но ум оставался острым. Острее, чем раньше.

– Мы эволюционируем назад, – сказал он однажды. – Или вперёд? Трудно сказать. Возможно, разница несущественна. Эволюция – не линейный процесс. Это адаптация. И мы адаптируемся к новым условиям.

– Каким условиям?

– Знанию. – Кидд посмотрел на неё. Глаза его стали жёлтыми, почти золотыми. – Мы знаем больше, чем любой человек в истории. Мы видели память, которой четыре миллиарда лет. Наш мозг адаптируется, чтобы обработать эту информацию. Тело следует за мозгом.

Возможно, он был прав.

Вечером третьего дня Кидд вызвал её в лабораторию.

– Я нашёл что-то, – сказал он. Голос дрожал от возбуждения. – Координаты. Закодированные в глубоких слоях памяти. Я думаю... я думаю, это координаты их родного мира.

Ирина подошла к экрану. Там отображалась звёздная карта с выделенной точкой.

– Система 47 Большой Медведицы, – прочитала она. – Двойная звезда. Расстояние – шестьсот десять световых лет.

– Их дом, – прошептал Кидд. – Или то, что от него осталось. Звезда уже стала красным гигантом. Возможно, поглотила планету. Но мы могли бы отправить зонд. Проверить. Увидеть своими глазами.

– Это займёт столетия.

– Да. Но разве не стоит? Узнать правду о наших создателях?

Ирина не успела ответить.

Потому что в этот момент окна взорвались.

Стекло разлетелось тысячами осколков. Чёрные фигуры ворвались в лабораторию – солдаты в тактической броне, с автоматическим оружием, движущиеся с профессиональной точностью.

– НА ПОЛ! – кричали они. – РУКИ ЗА ГОЛОВУ!

Ирина застыла. Мозг не успевал обработать происходящее.

Рейд. Военная операция. Как они нашли?

Кидд отреагировал первым. Он метнулся к столу, схватил флэш-накопитель с данными, попытался спрятать в карман.

Один из солдат выстрелил. Не пулями – электрошоковым патроном. Кидд дёрнулся, упал, конвульсии.

– НЕТ! – закричала Ирина.

Она бросилась к нему, но её схватили. Сильные руки, железная хватка. Швырнули на пол лицом вниз. Руки скрутили за спиной, надели наручники – не металлические, а пластиковые, одноразовые.

– Цель захвачена, – говорил солдат в рацию. – Два субъекта. Сопrotивления нет.

Ирина повернула голову, пытаясь увидеть Кидда. Он лежал неподвижно, только грудь поднималась и опускалась. Жив. Оглушён, но жив.

Через окна в лабораторию спустились ещё солдаты. Всего их было восемь. Профессиональная штурмовая группа.

И последней вошла женщина.

Молодая, лет двадцати девяти. Азиатской внешности. Короткие чёрные волосы, острые черты лица. Одета в тёмный тактический костюм без опознавательных знаков. Двигалась с кошачьей грацией хищника.

Она подошла к Ирине, присела на корточки, изучая её лицо.

– Доктор Савельева, – сказала женщина. Английский с лёгким китайским акцентом. – Я агент Джун Ли, Министерство Генетической Безопасности КНР. Вы арестованы по подозрению в разработке запрещённого биологического оружия.

– Это не оружие, – прохрипела Ирина. – Это исследование.

– Любая технология может стать оружием. – Джун Ли встала, повернулась к солдатам. – Обыщите лабораторию. Изымите все образцы, все данные, всё оборудование. И подготовьте субъектов к транспортировке.

– Куда вы нас везёте?

– В место, где вы не сможете навредить. – Джун Ли посмотрела на неё холодно, без эмоций. – Генетическая память – слишком опасная технология. Она должна быть уничтожена. Вместе с носителями.

Ирина похолодела.

– Вы собираетесь нас убить?

– Если придётся. – Джун Ли отвернулась. – Это зависит от того, насколько вы будете сотрудничать.

Солдаты начали обыскивать лабораторию. Забирали флэш-накопители, блокноты, образцы. Ломали оборудование, которое не могли унести.

Ирина лежала на полу, наблюдая, как уничтожается работа Кидда. Работа матери. Всё, ради чего она приехала.

И потом заметила: Кидд шевелится.

Медленно, почти незаметно. Электрошок проходил быстрее, чем ожидали солдаты. Его усиленное тело адаптировалось.

Он открыл глаза. Встретился взглядом с Ириной.

И она поняла, что он собирается сделать.

– Нет, – прошептала она. – Не надо.

Но Кидд не слушал.

Он взорвался движением. Рывком встал, несмотря на наручники. Бросился на ближайшего солдата, сбил его с ног. Его сила была нечеловеческой – трансформация сделала его сильнее любого обычного человека.

Солдаты открыли огонь. Настоящими пулями теперь.

Кидд схватил упавшее оружие, развернулся к окну, выстрелил в стекло. Оно разбилось. – БЕГИ! – крикнул он Ирине. – Я задержу их!

И бросился на солдат.

Хаос. Выстрелы. Крики.

Ирина использовала момент. Перекатилась к столу, встала. Руки всё ещё скованы за спиной, но ноги свободны.

Она побежала к окну.

– ОСТАНОВИТЬ ЕЁ! – кричала Джун Ли.

Один из солдат развернулся, целясь. Ирина прыгнула.

Вылетела в окно. Воздух свистел в ушах. Внизу – газон, три этажа падения.

Она приземлилась неудачно, на бок. Боль взорвалась в плече и рёбрах. Воздух вышибло из лёгких.

Но кости не сломались. Трансформация сделала её прочнее.

Ирина заставила себя встать, побежала. Через газон, мимо студентов, которые останавливались, шокированные.

Позади – выстрелы. Крики. Потом – один длинный крик. Кидд.

Она не оборачивалась. Бежала. Через кампус, на улицу, в толпу.

Руки всё ещё скованы, но она не могла остановиться. Должна была убежать. Достаточно далеко.

Сирены. Полиция. Они уже знали.

Ирина свернула в переулок, потом в другой. Запуталась в лабиринте улиц старого Кембриджа.

Наконец, убедившись, что погони нет, остановилась в тёмном углу. Присела, спиной к стене, пытаясь отдышаться.

Кидд мёртв. Она знала это. Он пожертвовал собой, чтобы она могла сбежать.

Старик, который принял её. Который верил в работу матери. Который дошёл до конца в поисках правды.

Мёртв.

А она одна. В чужой стране. Со скованными руками. Без денег, без документов, без помощи.

И с данными, которые могли изменить мир.

Если она выживет достаточно долго, чтобы их опубликовать.

Ирина закрыла глаза, прислонившись головой к холодной кирпичной стене.

Что теперь?

Бежать. Продолжать бежать.

Найти способ освободить руки. Добраться до Лондона. Затеряться в городе.

И потом... потом придумать, как рассказать миру правду.

Правду о том, кто мы такие.

Она встала, выглянула из переулочка. Улица пуста. Сирены где-то далеко.

Ирина вышла на улицу и пошла в сторону Лондона.

В темноту.

В неизвестность.

Но с памятью четырёх миллиардов лет, пульсирующей в каждой клетке её меняющегося тела.

Глава 3. Контакт

Лондон, подпольный биохакерский кластер

12 февраля 2635 года, 23:47

Дождь лил три часа без остановки, превращая улицы Ист-Энда в мутные реки. Ирина сидела под козырьком заброшенного магазина, пытаясь согреться и одновременно не привлекать внимания. Наручники она сняла час назад, найдя осколок стекла и методично перепилив пластик. Запястья саднили, покрытые ссадинами, но руки были свободны.

Свобода, впрочем, была относительной. У неё не было денег – рюкзак остался в лаборатории Кидда. Не было коммуникатора – тоже там. Не было документов, еды, тёплой одежды. Только то, что было на ней – промокшая куртка, джинсы, ботинки, и воспоминания о красном небе чужого мира, пульсирующие в каждой клетке тела.

Лондон ночью был другим городом. Дневная толпа деловых людей и туристов исчезла, уступив место тем, кто предпочитал темноту. Ирина наблюдала за ними из своего укрытия: проститутки с биомодификациями, светящимися в темноте; дилеры, торгующие нелегальными стимуляторами; банды подростков с нейроимплантами, глаза которых мерцали синим от постоянного подключения к сети.

Ист-Энд всегда был районом для тех, кто жил вне системы. Здесь не действовали строгие европейские законы, здесь полиция появлялась редко и неохотно. Идеальное место, чтобы затеряться. Или погибнуть.

Ирина знала: ей нужна помощь. Одна она не выживет. Джун Ли и её команда наверняка уже прочёсывают Кембридж, проверяют камеры наблюдения, анализируют транспортные потоки. У МГБ были почти неограниченные ресурсы. Через несколько часов они вычислят, что она направилась в Лондон. А потом начнут поиск здесь.

Нужно было найти место, где можно спрятаться. Людей, которые не задают вопросов. И самое главное – доступ к оборудованию, чтобы восстановить потерянные данные.

Мать писала в дневниках о подполье. О сети биохакеров, которые работали вне официальной системы, создавая генетические модификации, синтезируя запрещённые препараты, экспериментируя с технологиями, которые ни один этический комитет не одобрил бы. Мария даже упоминала конкретное место – кластер под Шордичем, старым районом художников и бунтарей, превратившимся в убежище цифровых отщепенцев.

Проблема была в том, как его найти. Биохакерские кластеры не рекламировали своё существование. Они прятались в подвалах, заброшенных зданиях, за фальшивыми стенами легальных бизнесов. Войти можно было только по приглашению или зная правильные коды.

Ирина встала, поёжившись от холода. Мышцы затекли от долгого сидения. Она сделала несколько шагов, разминаясь, потом направилась вглубь района.

Шордич встретил её неоновым свечением и гулом музыки. Бары, клубы, игровые залоны – всё работало круглосуточно. Толпы людей двигались от одного заведения к другому, многие в состоянии алкогольного или химического опьянения. Идеальная среда, чтобы слиться, стать ещё одним лицом в толпе.

Ирина шла, изучая вывески, прислушиваясь к разговорам. Биохакеры были здесь где-то. Нужно было только знать, где искать.

Возле одного из баров она заметила группу молодых людей – троича в возрасте около двадцати, одетых в тёмную синтетическую кожу, с волосами, окрашенными в неестественные цвета. У одного из парней на шее светился биолюминесцентный имплант – явно нелегальная модификация, запрещённая в Европе.

Ирина подошла.

– Извините, – сказала она по-английски. – Я ищу место, где делают модификации. Слышала, в этом районе есть хорошие мастера.

Троица обернулась. Парень с имплантом оглядел её с ног до головы, оценивающе.

– Модификации? – переспросил он. Лондонский акцент, грубый. – Какого рода?

– Нейронные. Улучшение памяти и обработки информации.

– Дорого стоит. У тебя есть деньги?

– Есть, – соврала Ирина. – Но сначала хочу посмотреть на работу. Убедиться, что мастер знает своё дело.

Парень переглянулся со своими спутниками. Девушка с фиолетовыми волосами пожала плечами.

– Рисково брать с собой чужих, – сказала она. – Откуда мы знаем, что она не легавая?

– Я не из полиции, – Ирина постаралась сделать голос убедительным. – Просто нужна помощь. Я генетик, у меня проблемы с работодателем. Мне нужно скрыться на время.

Парень прищурился.

– Генетик? – В голосе появился интерес. – Настоящий? С образованием?

– Доктор биологических наук. Работала в Институте эволюционной биологии РАН в Москве.

– Блин, – пробормотал парень. – Гек убьёт нас, если мы пропустим такую. – Он кивнул. – Ладно. Пойдёшь с нами. Но если попытаешься что-то затеять – пожалеешь.

– Не буду.

Троица повела её через лабиринт улиц. Они шли быстро, явно зная дорогу. Свернули в переулок, потом в другой, спустились по лестнице в подземный переход. Стены были покрыты граффити – не обычными рисунками, а биолюминесцентными, светящимися в темноте изображениями молекул ДНК, нейронных сетей, кибернетических организмов.

В конце перехода – металлическая дверь. Парень приложил ладонь к сканеру. Устройство считало биометрию, потом издало тихий писк. Дверь отперлась.

– Добро пожаловать в Улей, – сказал парень.

За дверью открывался огромный подземный зал. Бывшая станция метро, закрытая лет пятьдесят назад, когда построили новую транспортную систему. Сейчас здесь был город в городе.

Десятки людей двигались между импровизированными лабораториями, мастерскими, жилыми отсеками. Стены были увешаны экранами, на которых отображались генетические коды, химические формулы, схемы киберимплантов. Воздух был густым от запаха химикатов, электроники, немытых тел.

Это был андерграунд в чистом виде. Место, где законы не действовали. Где люди экспериментировали с собственными телами и разумами, не спрашивая разрешения у правительств или этических комитетов.

Ирина остановилась, оглядываясь. Здесь было всё, что ей нужно. Оборудование. Люди с навыками. Укрытие.

– Впечатляет? – усмехнулся парень. – Мы называем себя Улей, потому что работаем как организм. Каждый вносит вклад. Каждый получает защиту. – Он повёл её дальше, через зал. – Гек основал это место десять лет назад. После того, как его брата убили.

– Кто такой Гек?

– Увидишь.

Они прошли мимо импровизированной клиники, где хирург в грязном фартуке проводил операцию – устанавливал нейроимплант молодой девушке. Пациентка была без анестезии, только зажимала зубами резиновую прокладку, пока доктор вскрывал череп лазерным скальпелем.

Мимо лаборатории, где группа химиков синтезировала что-то в колбах, выделяя удушающий пар.

Мимо оружейной мастерской, где мужчина с механическими руками собирал винтовку из напечатанных на 3D-принтере деталей.

В самом дальнем углу зала, за стеклянными перегородками старого диспетчерского пункта, была лаборатория побольше и почище остальных. Внутри – молодой мужчина склонился над микроскопом, что-то записывая в блокнот.

Парень постучал в стекло.

– Гек! У нас гость.

Мужчина поднял голову.

Андрей "Гек" Гектаров выглядел моложе тридцати одного года, которые были ему на самом деле. Невысокий, худощавый, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост. Лицо бледное, с острыми чертами. Но главное – глаза. Они светились слабым голубым светом. Нейроимпланты, встроенные прямо в зрительные нервы.

Гек встал, вышел из лаборатории. Двигался нервно, с избыточной энергией человека на стимуляторах.

– Кто это? – спросил он. Голос был на удивление мягким, почти мелодичным.

– Говорит, что генетик из России. Ищет укрытие.

Светящиеся глаза изучили Ирину.

– Имя?

– Ирина Савельева.

Гек замер. Губы беззвучно повторили фамилию.

– Савельева? Как Мария Савельева?

Ирина не ожидала, что он знает это имя.

– Моя мать.

– Твоя... – Гек шагнул ближе. – Твоя мать была легендой. Она первая начала работу над генетической памятью. Я читал её статью. Единственную, которую опубликовали до того, как научное сообщество распяло её.

– Ты знал о её работе?

– Конечно. Я слежу за всеми прорывами в генетике. Особенно теми, которые официальная наука отвергает. – Он повернулся к троице, приведшей Ирину. – Хорошая работа. Можете идти.

Парень кивнул, и троица исчезла в толпе.

Гек жестом пригласил Ирину в лабораторию.

– Входи. Расскажи, почему дочь Марии Савельевой оказалась в Улье, промокшая до нитки и без денег.

Ирина вошла. Лаборатория была удивительно хорошо оборудована – микроскопы, центрифуги, секвенаторы ДНК, синтезаторы белков. Всё это выглядело дорогим и современным, хотя и б/у.

Она села на предложенный стул, и только тогда позволила себе расслабиться. Усталость накатил волной.

– Я продолжила работу матери, – начала она. – Нашла протокол активации генетической памяти. Провела эксперимент. Это работает. Память реальна.

Глаза Гека расширились.

– Ты... ты активировала её? На себе?

– Да. И потом поехала в Кембридж к доктору Кидду. Мы работали вместе. Дошли до уровня семь. Нашли память не с Земли. – Она сделала паузу, пытаясь оценить его реакцию. – А потом пришли они. МГБ. Китайская спецслужба. Устроили рейд. Кидд мёртв. Я еле сбежала.

Гек молчал долго. Потом медленно опустил на стул напротив.

– Генетическая память работает, – повторил он, как будто пробуя слова на вкус. – И китайцы знают. Охотятся за тобой.

– Да.

– У тебя есть данные?

– Нет. Всё осталось в лаборатории Кидда. Но я помню протокол. Знаю, как синтезировать активаторный комплекс. Могу воссоздать всё.

Гек встал, начал ходить по лаборатории. Энергия была через край.

– Это невероятно. Абсолютно невероятно. Ты понимаешь, что это значит? Генетическая память – это ключ к улучшению человека. Мы можем активировать древние гены, получить способности предков. Силу неандертальцев. Инстинкты ранних охотников. Может быть, даже что-то большее.

– Это опасно, – предупредила Ирина. – Активация запускает трансформацию. Ты начнешь меняться. Физически. Психически. Кидд превращался в неандертальца. Я тоже чувствую изменения.

Она показала руки. Кожа на тыльной стороне стала заметно грубее за последние дни. Волоски – жёстче и темнее.

Гек взял её руку, изучил кожу. Его пальцы были прохладными, слегка дрожали.

– Трансформация, – пробормотал он. – Эпигенетическая активация древних генов. Конечно. Память не просто информация. Это программа. Она перестраивает тело, делает его ближе к форме предка. – Он отпустил её руку, посмотрел в глаза. – И ты боишься этого?

– Моя мать боялась. Она покончила с собой, чтобы остановить процесс.

– Твоя мать была трусихой, – сказал Гек резко. – Извини, но это правда. Она могла изменить мир, но испугалась. Выбрала смерть вместо эволюции.

Ирина сжала кулаки, чувствуя вспышку гнева. Но заставила себя успокоиться. Гнев был иррациональным, слишком интенсивным. Ещё один признак трансформации? Эмоции становились сильнее, примитивнее.

– Может быть, – сказала она ровно. – Но у меня есть её данные. Или были. И мне нужна помощь, чтобы продолжить работу.

– Что тебе нужно?

– Укрытие. Оборудование. Помощь в синтезе активаторного комплекса. И... – она колебалась, – доступ к сети. Мне нужно узнать, кто ещё работает над этой технологией. Кто охотится за мной.

Гек улыбнулся. Улыбка была хищной.

– Всё это у меня есть. Но взамен я хочу доступ к протоколу. Я хочу активировать свою генетическую память. Увидеть то, что видела ты.

Ирина смотрела на него. Молодой человек, явно одержимый идеей улучшения себя. Тело его уже было модифицировано – нейроимпланты в глазах, возможно, ещё что-то, скрытое под одеждой. Он явно не боялся изменений. Наоборот, стремился к ним.

Давать ему доступ к технологии было опасно. Но выбора не было.

– Хорошо, – согласилась она. – Сделка.

Гек протянул руку. Они пожали друг другу руки, скрепляя соглашение.

– Добро пожаловать в Улей, доктор Савельева. Сейчас я покажу тебе, где можешь поселиться. А завтра начнём работу.

Комната, которую Гек выделил Ирине, была крошечной – три на четыре метра, вырезанной из старого служебного помещения. Кровать, стол, стул, маленький умывальник в углу. Но было тепло и сухо, и это было всё, что имело значение.

Ирина рухнула на кровать, даже не раздеваясь. Тело требовало отдыха. Последний раз она нормально спала... когда? Три дня назад? Четыре? Время размылось в непрерывную последовательность бегства, страха, открытий.

Сон пришёл мгновенно.

И с ним – сны.

Красное небо. Два солнца. Существа с хитиновым покровом движутся по улицам умирающего города. Она – одна из них. Знает, что планета обречена. Чувствует тепло, которое становится невыносимым с каждым днём.

Лаборатория. Споры создаются миллиардами. Каждая – капсула надежды. Запускаются в космос.

"Выживите, – шепчет она на языке без слов. – Эволюционируйте. Помните нас."

Споры летят. Одна из них достигнет планеты с голубым небом и одной жёлтой звездой. Упадёт в тёплый океан. Начнёт размножаться.

Через четыре миллиарда лет создаст существо, которое сможет прочесть память.

Цикл замкнётся—

Ирина проснулась от звука стука в дверь.

– Эй, доктор! – голос Гека. – Уже полдень. Есть работа.

Она села, потирая глаза. Спала десять часов. Дольше, чем за последнюю неделю в сумме.

– Иду, – крикнула она.

Быстро умылась холодной водой из умывальника, привела волосы в порядок, вышла.

Гек ждал снаружи, держа две чашки с дымящимся кофе и бумажный пакет.

– Завтрак, – сказал он, протягивая чашку и пакет. – Ничего особенного, но съедобно.

Внутри пакета были синтетические батончики – спрессованная смесь белков, углеводов и витаминов. Вкус был ужасным, но калорийность высокой. Ирина съела два батончика за минуту.

– Спасибо.

– Не за что. – Гек сделал глоток кофе. – Ночью я думал о твоём предложении. О генетической памяти. И решил, что нам нужно начать с малого. Сначала воссоздать протокол, провести базовые тесты. Потом, если всё работает, углубляться.

– Разумно.

– Но есть проблема. Чтобы синтезировать активаторный комплекс, нужны специфические реактивы. Дорогие. У меня нет всего необходимого.

– Где можно достать?

– Легально? Никак. Эти вещества строго контролируются. Но я знаю место, где их можно украсть. – Гек посмотрел на неё. – "Гелиос" имеет склад в Лондоне. Биотехнологическая корпорация. Они занимаются военными разработками. У них есть всё, что нам нужно.

Ирина вспомнила человека в тёмном костюме, который подошёл к ней у Института в Москве. Представитель "Гелиоса". Корпорация знала о её работе. Следила.

– Ты хочешь взломать склад "Гелиоса"?

– Не взломать. Проникнуть в их систему. – Гек усмехнулся. – Я хакер, доктор. Один из лучших. Взлом – моя специальность. А "Гелиос" давно у меня на прицеле.

– Почему?

Лицо Гека стало жёстким.

– Они убили моего брата. Пять лет назад. Он работал на них, программистом в отделе кибербезопасности. Узнал что-то, что не должен был знать. Попытался уйти. Они организовали "несчастный случай". – Он сжал чашку так сильно, что пластик треснул. – С тех пор я собираю информацию. Ищу способ отомстить. И теперь у меня есть повод взломать их системы.

Ирина кивнула. Понимала жажду мести. Сама чувствовала её – к МГБ, к Джун Ли, ко всем, кто преследовал её.

– Что тебе нужно от меня?

– Список реактивов. Точные названия, количества. Я найду их в системе "Гелиоса" и организую доставку.

– Хорошо.

Они прошли в лабораторию Гека. Ирина села за терминал, начала составлять список. Память у неё всегда была хорошей, а после активации стала ещё лучше. Она помнила каждый компонент активаторного комплекса, каждую концентрацию, каждый шаг синтеза.

Через час список был готов. Тридцать семь различных химических соединений, многие из которых были редкими и дорогими.

Гек изучил список, присвистнул.

– Серьёзная химия. Некоторые из этих веществ классифицируются как прекурсоры биологического оружия. "Гелиос" точно имеет их. – Он повернулся к своему основному компьютеру – огромной установке, собранной из десятков серверов. – Дай мне несколько часов. Я проникну в их систему.

Ирина наблюдала, как он работает. Пальцы летали по клавиатуре с невероятной скоростью. На экранах появлялись строки кода, схемы сетей, диаграммы безопасности.

Гек был действительно талантлив. За полтора часа он обошёл три уровня защиты "Гелиоса", проник в их внутреннюю сеть, получил доступ к базе данных.

– Вот оно, – пробормотал он. – Лондонский склад. Район Кэнэри-Уорф. – Экран показал трёхмерную модель здания. – Охрана: двадцать четыре человека, посменно. Биометрическая система доступа. Датчики движения. Камеры с распознаванием лиц. – Он покачал головой. – Физически проникнуть невозможно.

– Тогда как?

– Изнутри. – Гек переключил экран, показывая систему автоматической доставки. – "Гелиос" использует дроны для транспортировки материалов между объектами. Я могу перехватить один из дронов, подменить адрес доставки. Реактивы прилетят прямо к нам.

– Они заметят пропажу.

– Не сразу. Инвентаризация проводится раз в неделю. У нас будет время. – Гек начал печатать команды. – Делаю заказ от имени... давай посмотрим... отдела исследований в Берлине. Они как раз запрашивали похожие материалы на прошлой неделе. Заказ не вызовет подозрений.

Ирина смотрела, как он манипулирует системой. Гек был не просто хакером. Он был художником цифрового мошенничества.

Через двадцать минут работа была закончена.

– Готово, – объявил Гек. – Дрон вылетит через три часа. Прилетит сюда через шесть. К вечеру у нас будет всё необходимое.

– Ты гений.

– Знаю. – Он ухмыльнулся. – А пока можем заняться чем-то другим. Хочешь увидеть, что ещё "Гелиос" прячет в своих базах данных?

Ирина кивнула.

Гек углубился в систему, открывая файл за файлом. Большинство было зашифровано, но он обходил защиту с пугающей лёгкостью.

– Военные контракты, – бормотал он, просматривая документы. – Разработка биологического оружия. Генетические модификации для солдат. Усиление рефлексов, силы, выносливости. Стандартный милитаристский бред.

Он открыл ещё одну папку.

– Подожди. Что это?

На экране появился файл с грифом "Совершенно секретно". Название: "Проект Архей". Гек открыл файл. Внутри – подробное описание исследовательской программы.

Ирина начала читать, и кровь в жилах застыла.

"Гелиос" работал над генетической памятью. Уже два года. У них был собственный протокол активации. Собственные образцы. Собственные испытуемые.

– Боже мой, – прошептала она. – Они знали. Всё это время знали.

Гек пролистал дальше. Появились фотографии. Лаборатория. Испытуемые в клетках. Люди с деформированными телами, изменённые трансформацией.

– Байкал-сити, – прочитал Гек название локации. – Секретный объект под озером Байкал. Там они проводят эксперименты.

Он открыл видеофайл. Запись с камеры наблюдения.

Большой зал, похожий на тюремный блок. Клетки вдоль стен. В клетках – люди. Но не совсем люди. Тела их были изменены, мутированы. Некоторые были покрыты плотной шерстью. У других руки стали массивнее, с когтями. Третьи двигались на четвереньках, как звери.

Голос за кадром:

– Испытуемый номер двадцать три. Активация уровня три. Неандертальская память. Физическая трансформация завершена на восемьдесят процентов. Мышечная масса увеличена на сорок два процента. Плотность костей на тридцать пять процентов. Агрессия повышена. Разум деградировал. Субъект непригоден для военного применения. Рекомендуется ликвидация.

Камера переключилась на другую клетку. Мужчина внутри был почти полностью трансформирован. Он рычал, бросался на решётку, пытаясь вырваться.

Голос за кадром:

– Испытуемый номер тридцать один. Активация уровня четыре. Ранние гоминиды. Трансформация вышла из-под контроля. Субъект потерял речь, способность к абстрактному мышлению. Сохранились только базовые инстинкты: голод, агрессия, страх. Рекомендуется ликвидация.

Видео продолжалось. Десятки испытуемых. Все трансформированные. Все страдающие. Многие умерли во время экспериментов.

– Они пытаются создать суперсолдат, – сказал Гек тихо. – Активируют древнюю память, чтобы получить силу и инстинкты предков. Но не могут контролировать процесс. Люди превращаются в животных.

– Моя мать была права, – прошептала Ирина. – Она говорила, что это будет использовано как оружие. Что корпорации и правительства будут охотиться за технологией. И вот. "Гелиос" уже работает над этим.

– Нам нужно скопировать эти файлы, – сказал Гек. – Это доказательства. Военных преступлений. Экспериментов на людях. Если опубликовать...

– Они нас убьют раньше, чем мы успеем опубликовать, – перебила Ирина. – У "Гелиоса" огромные ресурсы. Связи в правительстве. Они заметят взлом.

– Уже заметили, – Гек указал на новое окно, появившееся на экране. – Система обнаружила моё присутствие. Пытается отследить. – Его пальцы заплясали по клавиатуре. – Устанавливаю ложные маршруты. Направляю след в разные стороны. Но у меня есть минут пять, может, десять.

– Скачивай всё, что можешь. Быстро.

Гек запустил массовое копирование. Терабайты данных начали скачиваться на локальные серверы Улья.

– Три терабайта, – пробормотал он. – Скорость... слишком медленно. Не успею скачать всё до того, как они доберутся до меня.

– Выбери самое важное.

– Проект Архей. Файлы испытаний. Протоколы активации. – Гек сосредоточился, выбирая папки. – Есть ещё что-то... подожди. Что это?

Он открыл скрытую папку. Внутри – один файл. Видео.

Гек запустил его.

Кабинет. Роскошный, с панорамными окнами. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, в военной форме. Высокий, атлетический, с короткой седой стрижкой и шрамом на лице. Протез вместо левой кисти руки – высокотехнологичный, почти неотличимый от настоящей.

– Генерал-полковник Виктор Крашенинников, – прочитал Гек имя с таблички на столе. – Директор "Гелиоса".

Крашенинников говорил с кем-то за кадром. Голос был глубоким, властным:

– Проект Архей выходит на финальную стадию. Мы почти решили проблему контроля. Последние испытуемые показали обнадеживающие результаты – трансформация без потери разума. Скоро мы сможем начать массовое производство.

Голос за кадром:

– А что с побочными эффектами? Агрессия? Психозы?

– Они управляемы. Мы разработали ингибиторы, подавляющие нежелательные проявления. Солдаты сохраняют дисциплину. – Крашенинников положил руки на стол. – Через полгода у России будет непобедимая армия. Солдаты с силой неандертальцев, рефлексам хищников, выносливостью, которая позволит сражаться днями без отдыха. Враги не будут иметь шансов.

– Министерство обороны одобрило бюджет?

– Президент лично одобрил. Двести миллиардов рублей. Этого достаточно для начального этапа. – Крашенинников встал, подошёл к окну. – Генетическая память – это будущее войны. Кто первым освоит эту технологию, тот будет править миром. И Россия будет первой.

Видео закончилось.

Гек и Ирина смотрели друг на друга.

– Они собираются превратить солдат в монстров, – сказала Ирина. – Массово. Создать армию трансформированных.

– И они близки к успеху. – Гек показал на экран. – Смотри. Последние отчёты. Испытуемые номера семьдесят три – восемьдесят один. Трансформация контролируемая. Разум сохранён. Физические показатели улучшены на четыреста процентов.

Ирина прочитала данные. Холод пробежал по спине.

"Гелиос" действительно решил проблему. Они научились активировать генетическую память без потери человечности. Создали суперсолдат.

– Нам нужно остановить их, – сказала она.

– Как? Мы двое. У них армия, ресурсы, правительство за спиной.

– Не знаю. Но если они запустят проект в массовое производство... – Ирина не закончила. Последствия были слишком ужасающими, чтобы озвучивать.

– Внимание! – компьютер издал резкий сигнал. – Обнаружена попытка обратного отслеживания. Система "Гелиоса" локализовала соединение.

– Дерьмо, – Гек бросился к клавиатуре. – Отключаюсь. Прямо сейчас.

Он разорвал соединение, выключил все сетевые интерфейсы, физически отсоединил кабели.

– Они знают, что кто-то взломал их систему, – сказал он. – Но не знают, кто и откуда. Я замёл следы. У нас есть время.

– Сколько?

– Не знаю. Часы. Может, день. Зависит от того, насколько быстро они проанализируют логи.

Ирина подошла к экрану, смотря на замороженное изображение Крашенинникова. Генерал, который хотел создать армию монстров. Человек, который делает генетическую память оружием.

– Нам нужно уничтожить этот проект, – сказала она. – Но сначала – продолжить нашу работу. Создать портативный сканер. Доказать, что технология может использоваться не для войны, а для понимания. Для знания.

– Согласен. – Гек сохранил скачанные файлы на защищённые носители, несколько копий. – Когда прилетит дрон с реактивами, начнём синтез. К завтрашнему утру у нас будет активаторный комплекс.

– А потом?

– А потом я хочу испытать его на себе. – Светящиеся глаза Гека горели возбуждением. – Хочу увидеть память. Почувствовать трансформацию. Стать чем-то большим, чем человек.

Ирина вспомнила испытуемых "Гелиоса" в клетках. Превратившихся в зверей. Потерявших разум.

– Это опасно. Ты можешь не вернуться.

– Жизнь опасна, – отозвался Гек. – Я не боюсь. Наоборот. Всю жизнь изменяю своё тело. Импланты. Модификации. Стимуляторы. Я уже не совсем человек. Ещё один шаг не имеет значения.

Ирина хотела убедить его. Сказать, что это безумие. Но потом подумала: а разве она сама не сделала то же самое? Активировала память на себе, зная о рисках?

Они оба были одержимы. Искателями знания, готовыми заплатить любую цену.

– Хорошо, – согласилась она. – Но если что-то пойдёт не так – я остановлю процесс. Любыми средствами.

– Договорились.

Дрон прилетел точно по расписанию, в двадцать один час. Большой грузовой квадрокоптер приземлился на крыше заброшенного здания над Ульем. Гек и двое его помощников выгрузили контейнеры, спустили вниз.

Тридцать семь реактивов, упакованных в защитные боксы. Каждый промаркирован, с голограммами подлинности "Гелиоса".

– Рождество, – усмехнулся Гек, открывая контейнеры. – У нас есть всё, что нужно.

Они работали всю ночь. Ирина руководила синтезом – пошаговый процесс, требующий точности и опыта. Гек помогал, следуя её инструкциям, обучаясь на ходу.

К четырём утра активаторный комплекс был готов. Прозрачная жидкость в стеклянной колбе, слегка опалесцирующая. Десять миллилитров. Достаточно для одной дозы.

Ирина держала колбу на свету, изучая. Идеальная чистота. Правильная концентрация. Это была точная копия того, что она создала в Москве. Того, что использовал Кидд.

– Красиво, – сказал Гек. – Такая маленькая вещь. А может изменить всё.

– Ты уверен, что хочешь это сделать?

– Абсолютно.

Они подготовили медицинское кресло, датчики, реанимационное оборудование. Гек сел, позволил Ирине подключить электроды.

– Начнём с малого, – сказала она. – Минимальная доза. Активация уровня один. Посмотрим, как ты отреагируешь.

– Нет. – Гек покачал головой. – Я хочу глубже. Уровень два. Или три. Я хочу почувствовать силу.

– Это опасно—

– Я знаю риски. Делай.

Ирина колебалась. Потом взяла шприц, набрала двойную дозу активаторного комплекса.

– Если начнутся судороги или потеря сознания, я введу ингибитор. Он должен остановить процесс.

– Не останавливай, – сказал Гек. – Что бы ни случилось. Я хочу дойти до конца.

Ирина нашла вену на его руке, ввела иглу. Светящиеся глаза смотрели прямо на неё, бесстрашно.

Она нажала на поршень.

Активаторный комплекс потёк в кровоток Гека.

Секунда. Две. Пять.

Датчики показали учащение пульса. Повышение кровяного давления. Всплеск электрической активности мозга.

– Что ты чувствуешь? – спросила Ирина.

– Тепло, – ответил Гек. Голос был напряжённым. – Во всём теле. Как будто кровь закипает.

Десять секунд. Пятнадцать.

– Вижу... вижу что-то...

Глаза Гека закатились. Тело напряглось, мышцы стали твёрдыми как камень. Дыхание участилось, превратилось в рваные вдохи.

Ирина смотрела на датчики. Электроэнцефалограмма показала паттерн, который она узнала – активация глубоких слоёв памяти.

– Гек? Ты меня слышишь?

Он не отвечал. Тело его начало подёргиваться. Конвульсии.

– Дерьмо.

Ирина схватила шприц с ингибитором, приготовилась ввести. Но что-то остановило её. Слова Гека: "Не останавливай. Что бы ни случилось."

Она отложила шприц, продолжая наблюдать.

Конвульсии усилились. Гек закричал – не человеческим голосом, а животным рёвом. Спинка кресла треснула под напором его тела.

И потом он рухнул, обмякнув.

Тишина. Только писк датчиков, отслеживающих жизненные показатели.

Пульс стабилизировался. Дыхание замедлилось. Активность мозга вернулась к норме.

Ирина наклонилась ближе.

– Гек?

Глаза открылись. Светящиеся, как раньше. Но что-то в них изменилось. Взгляд стал более острым, диким, хищным.

Он сел, сорвал электроды, встал. Движения были другими – более резкими, более уверенными. Как у хищника, а не человека.

– Я видел, – сказал он. Голос был хриплым. – Видел память. Моих предков.

– Какой уровень?

– Не знаю. Много. Разные времена. Разные жизни. – Он посмотрел на свои руки, сжал кулаки. – Я был воином. Средневековый воин. Русский. Сражался с монголами. Был ранен. Умирал в грязи, пока орды топтали мою родину.

– Уровень один, – сказала Ирина. – Недавние предки.

– Но потом пошло глубже. Я был охотником. В лесах, где сейчас Москва. Охотился на медведя. Один, с копьём. Убил его. Съел его мясо. Почувствовал силу.

– Уровень два. Ранние Homo sapiens.

– И ещё глубже. – Гек шагнул к ней. В его движениях была угроза. – Я был зверем. Бежал по саванне. Убивал чтобы выжить. Ел ещё живую плоть. Это было... это было правильно. Естественно. Так должно быть.

Ирина отступила. Что-то было не так. Гек говорил, но слова были чужими. Как будто это не он.

– Гек, ты в порядке?

– Я никогда не был более в порядке. – Он засмеялся. Смех был диким, пугающим. – Ты не понимаешь. Все эти годы я чувствовал, что чего-то не хватает. Что я не полный. А теперь... теперь я целый. Память дала мне то, чего мне не доставало.

– Что именно?

– Инстинкты. – Гек сжал кулаки, и костяшки пальцев хрустнули. – Человек слишком цивилизованный. Слишком прирученный. Мы забыли, кто мы такие. Забыли, что мы хищники. Убийцы. Выжившие. Но память помнит. И теперь я помню.

Он двинулся к ней быстро. Слишком быстро. Схватил её за плечи, прижал к стене. Хватка была болезненной, сильной.

– Гек, отпусти меня!

– Зачем? – Лицо его было в нескольких сантиметрах от её. – Ты боишься меня? Ты должна. Страх – правильная реакция на хищника. Инстинкт, который сохранил твоих предков. Беги или сражайся.

Ирина попыталась вырваться, но его хватка была железной. Трансформация уже началась. Мышцы его стали плотнее, сильнее.

– Ты не в себе, – сказала она, пытаясь сохранить спокойствие. – Это память говорит, а не ты. Ты Андрей Гектаров. Биохакер из Лондона. У тебя есть цель, работа, люди, которые зависят от тебя.

– Андрей Гектаров, – повторил он, как будто пробуя имя. – Да. Это моё имя. Но кто такой Андрей Гектаров? Слабый человек, который прятался в подземелье, боясь света. Который изменял себя имплантами, потому что не мог принять своё тело. – Он отпустил её, отступил. – Но теперь я принял. Я знаю, кто я. Я – охотник. Я – воин. Я – то, кем должен быть.

Он повернулся к столу, схватил металлическую трубу, лежавшую там. Согнул её голыми руками. Металл поддался, как пластилин.

– Чувствуешь? – спросил он. – Силу. Настоящую силу. Не механическую, не химическую. Генетическую. Сила моих предков теперь моя.

Ирина медленно двинулась к шприцу с ингибитором. Нужно было остановить его, пока он не натворил чего-то непоправимого.

Но Гек заметил движение. Метнулся к ней, выбил шприц из рук. Стекло разбилось о пол.

– Нет, – прорычал он. – Не остановишь. Я не позволю.

Он схватил её за горло, прижал к стене, поднимая над полом. Ирина задыхалась, царапая его руки, но это было бесполезно. Его хватка была непоколебимой.

– Гек... пожалуйста...

Она видела его глаза. Светящиеся, безумные. Память вытеснила личность. Древние инстинкты захватили контроль.

Мир начал темнеть. Кислорода не хватало. Ещё несколько секунд, и она потеряет сознание.

А потом что? Он убьёт её? Или просто бросит, когда поймёт, что она мертва?

Неожиданно хватка ослабла. Ирина упала на пол, кашляя, хватая ртом воздух.

Гек отступил, глядя на свои руки. На лице – ужас.

– Я... я чуть не убил тебя.

Ирина массировала горло, пытаясь восстановить дыхание.

– Память... слишком сильна, – прохрипела она. – Ты потерял контроль.

– Я знаю. – Гек опустился на пол, обхватив голову руками. – Боже. Я чувствовал это. Ярость. Инстинкт убивать. Это было... это было прекрасно. И ужасно. Одновременно.

Он начал дрожать. Не от холода. От осознания того, что он чуть не сделал.

Ирина медленно встала, подошла к нему. Села рядом.

– Это побочный эффект, – сказала она. – Активация древней памяти пробуждает древние инстинкты. Агрессию. Хищнические импульсы. Кидд говорил о том же. Я сама чувствую их иногда. Вспышки гнева, несоразмерные причине.

– Как бороться с этим?

– Не знаю. – Ирина посмотрела на разбитый шприц с ингибитором. – "Гелиос" разработал препараты для подавления нежелательных эффектов. Но у нас нет доступа к их формулам.

– Я найду. – Гек поднял голову. Глаза всё ещё светились, но взгляд стал более осознанным. – Когда я взламывал их систему, видел упоминания об ингибиторах. Нужно глубже покопаться в файлах.

– Ты уверен, что сможешь контролировать себя?

– Должен. – Он встал, протянул ей руку. – Извини. За то, что я сделал. Я не хотел.

Ирина взяла его руку, поднялась.

– Я знаю. Это была не ты. Это была память.

– Но память – это часть меня теперь. – Гек посмотрел на свои ладони. Кожа на них грубела, как и у Ирины. Трансформация началась. – Мы меняемся. Становимся чем-то иным. И не можем остановить это.

– Нет, – согласилась Ирина. – Не можем.

Они стояли в лаборатории, двое изменённых людей, несущих память миллионов лет в своих клетках. Будущее было неопределённым. Опасным. Непредсказуемым.

Но одно они знали точно: пути назад нет. Только вперёд. В неизвестность. В трансформацию.

В новое понимание того, что значит быть человеком.

Или тем, кто когда-то был человеком.

Глава 4. Охотники

Лондон / Москва

16 февраля 2635 года, 08:23

Джун Ли стояла на крыше заброшенного здания в Шордиче, глядя на хаотичный лабиринт улиц внизу. Ветер трепал короткие чёрные волосы, но она не замечала холода. Тело было натренировано игнорировать дискомфорт. Двенадцать лет службы в МГБ, из них пять в отделе ликвидации биологических угроз. Она видела вещи, от которых обычные люди сходили с ума. Эпидемии, созданные в лабораториях. Генетических монстров, вырвавшихся из-под контроля. Террористов с биологическим оружием.

Ирина Савельева была всего лишь очередной угрозой. Более интеллектуальной, более образованной, но всё равно угрозой. Женщина, которая играла с огнём, не понимая, что может сжечь весь мир.

– Доклад, – сказала Джун Ли в микрофон на воротнике.

Голос оператора откликнулся мгновенно:

– Анализ транспортных потоков завершён. Цель с высокой вероятностью использовала наземный транспорт для перемещения из Кембриджа в Лондон. Отслеживание камер показало восемнадцать возможных совпадений. Сужаем круг.

– Сколько времени?

– Четыре-шесть часов для точной локализации.

– Слишком долго. – Джун Ли повернулась к команде за спиной. Семь оперативников в гражданской одежде, но с военной выправкой. Лучшие из МГБ. Каждый прошёл генетический скрининг, физическое усиление, психологическую обработку. Они были не просто солдатами. Они были охотниками. – Переключаемся на активный поиск. Разделяемся на три группы. Прочёсываем район. Савельева биолог, ей нужно оборудование. Ищите подпольные лаборатории, биохакерские кластеры, чёрный рынок медицинских материалов.

– Биохакерские кластеры в Лондоне не сотрудничают с властями, – заметил один из оперативников. Молодой парень, новичок в команде. – Они защищены местными криминальными группировками.

– Я знаю. – Джун Ли посмотрела на него холодными глазами. – Именно поэтому мы не будем спрашивать разрешения. Мы возьмём информацию силой.

Новичок кивнул, сглотнув.

Джун Ли активировала тактический дисплей на контактной линзе. Карта Шордича вернулась перед глазами, с отмеченными точками – известные убежища биохакеров, подпольные клиники, нелегальные лаборатории. Двадцать три локации в радиусе двух километров.

– Начинаем с северного сектора. Группа один – со мной. Группы два и три – восточный и западный секторы. Коммуникация каждые пятнадцать минут. Летальная сила разрешена только в случае прямой угрозы. Цель нужна живой. Понятно?

– Понятно, – ответили оперативники хором.

– Тогда вперёд.

Они спустились с крыши, растворились в утренней толпе. Лондон просыпался. Люди спешили на работу, не обращая внимания на тех, кто двигался с другой целью. Охотников не замечали до последнего момента. Именно так и должно было быть.

Джун Ли вела свою группу через переулки. В голове прокручивала досье Савельевой. Тридцать восемь лет. Генетик. Одержимая работой. Социально изолированная. Мать покончила с собой пятнадцать лет назад. Личных связей минимум. Друзей нет.

Идеальный профиль для учёного-фанатика. Люди без привязанностей часто шли на безрассудные поступки ради знания. Мария Савельева была такой же. И умерла из-за этого.

Дочь повторяла её путь.

Первая локация – подпольная клиника в подвале старого жилого дома. Джун Ли вошла без стука, оперативники следом. Внутри – грязное помещение, больше похожее на мясную лавку, чем на медицинское учреждение. Хирург – пожилой мужчина с дрожащими руками – устанавливал имплант молодому человеку на столе.

– МГБ, – объявила Джун Ли. – Операция прекращена. Руки на стол.

Хирург вскинул руки. Пациент попытался встать, но один из оперативников прижал его обратно к столу.

– Мы ищем женщину. Русская. Тридцать восемь лет. Генетик. Возможно, появлялась здесь в последние три дня.

– Не видел, – пробормотал хирург.

Джун Ли шагнула ближе. Достала коммуникатор, показала фотографию Ирины.

– Посмотри внимательнее.

Хирург изучил фото, покачал головой.

– Нет. Не видел.

– Ты уверен? – Голос Джун Ли стал холоднее. – Ложь мне не поможет. Только ухудшит ситуацию.

– Я не лгу! – Хирург отступил, натываясь на стену. – Никакой русской женщины здесь не было!

Джун Ли изучала его лицо. Микровыражения. Расширение зрачков. Напряжение мышц. Признаки стресса были, но не лжи. Он говорил правду.

– Хорошо. – Она кивнула оперативникам. – Уходим.

Они вышли, оставив перепуганного хирурга позади.

Вторая локация. Третья. Четвёртая. Везде одно и то же. Страх при виде агентов МГБ. Отрицание. Никто не видел Ирину Савельеву.

– Может, она не в этом районе? – предположил оперативник.

– Она здесь, – ответила Джун Ли с уверенностью. – Биохакерское подполье – идеальное место для скрытия. Нужно только найти правильный кластер.

Её коммуникатор завибрировал. Сообщение от группы два:

«Возможный след. Свидетель видел женщину, соответствующую описанию, возле станции метро Шордич-Хай-стрит. Три дня назад, поздно вечером. Направлялась в сторону старых туннелей.»

Старые туннели. Заброшенная станция метро, закрытая полвека назад. Идеальное место для подпольного кластера.

– Группы два и три, сходимся на моей позиции. Готовимся к штурму.

Она повела команду к туннелям. Вход был замаскирован – металлическая дверь, покрытая граффити, неотличимая от десятков других в районе. Но Джун Ли знала, на что смотреть. Дверь была слишком новой. Замок – слишком сложным. Биометрический сканер, скрытый под фальшивой панелью.

– Это здесь, – сказала она.

Оперативники заняли позиции. Достали оружие – компактные автоматы с глушителями. Нелетальные боеприпасы – электрошоковые патроны, слезоточивый газ. Приказ был чётко: цель нужна живой.

Один из оперативников подключил взломщик к биометрическому сканеру. Устройство работало, перебирая варианты, обходя защиту.

Тридцать секунд. Минута. Полторы.

Замок щёлкнул. Зелёный свет.

– Входим, – скомандовала Джун Ли. – Быстро, тихо, эффективно.

Дверь распахнулась. Они ворвались в туннель, движущиеся плавно, профессионально. Оружие на изготовке. Тактические фонари разрезали темноту.

Туннель вёл вниз. Стены были покрыты биолюминесцентными граффити – светящиеся молекулы ДНК, нейронные сети. Типичная эстетика биохакеров.

Они двигались быстро, но тихо. Бесшумные шаги. Контролируемое дыхание. Подготовка к бою.

Туннель расширился, открывая вид на огромный подземный зал. Бывшая станция метро, превращённая в город. Десятки людей двигались между импровизированными лабораториями и жилыми отсеками.

И там, в дальнем углу, за стеклянными перегородками – лаборатория побольше остальных.

Джун Ли активировала оптическое увеличение на линзе, фокусируясь на фигурах внутри лаборатории.

Две. Женщина и мужчина.

Женщина – короткие тёмные волосы, средний рост. Даже на расстоянии Джун Ли узнала её.

Ирина Савельева.

– Цель обнаружена, – прошептала она в микрофон. – Дальний угол зала. Стеклопанельная лаборатория. Начинаем операцию. Группа один – со мной. Группа два – отрезаем пути отступления. Группа три – эвакуационный транспорт на поверхности.

Оперативники двинулись, рассредоточиваясь по залу. Люди в кластере начали замечать их. Кто-то кричал. Кто-то бежал. Паника распространялась волной.

– МГБ! – объявила Джун Ли громко. – Все на пол! Руки за голову! Это операция по задержанию опасного преступника! Сопротивление будет подавлено силой!

Большинство подчинились, падая на пол. Но некоторые бежали к выходам, пытаясь скрыться. Группа два перехватила их, жёстко, но без летального применения силы.

Джун Ли двигалась к лаборатории. Савельева видела её теперь. Стояла у стола, замершая. Рядом – мужчина с светящимися глазами. Нейроимпланты. Биохакер.

– Доктор Савельева! – крикнула Джун Ли. – Вы арестованы! Выходите с поднятыми руками! Не заставляйте меня применить силу!

Савельева не двигалась. Смотрела на Джун Ли через стекло. В глазах – не страх. Ярость. Решимость.

А потом биохакер с светящимися глазами двинулся. Быстро. Слишком быстро для обычного человека.

Он схватил что-то со стола. Небольшое устройство. Направил в сторону оперативников.

Джун Ли узнала его за секунду до активации. Нейросонник. Нелегальное оружие, запрещённое международными конвенциями. Устройство генерировало направленные нейронные импульсы, вызывая временный паралич.

– ВНИЗ! – закричала она.

Но было поздно.

Нейросонник включился. Невидимая волна прокатилась по залу. Три оперативника из группы два рухнули, конвульсивно дёргаясь. Их нервные системы перегружены, мышцы спазмированы.

Джун Ли уклонилась, бросившись за ближайшее укрытие – старый билетный автомат. Устройство не достало её – она была вне зоны поражения.

– Группа один, подавляющий огонь! – скомандовала она. – Цель – биохакер с оружием!

Оперативники открыли огонь. Электрошоковые патроны разбили стекло лаборатории. Но биохакер уже двигался, уклоняясь с нечеловеческой скоростью. Импланты давали ему улучшенные рефлексy.

Он схватил Савельеву, потащил к задней стене лаборатории. Та открылась – скрытая дверь. Аварийный выход.

– Они уходят! – Джун Ли выскочила из укрытия, бежала к лаборатории. – Группа три, перехватить на поверхности! Группа два, с теми, кто может двигаться – за мной!

Она ворвалась в лабораторию, проскочила через разбитое окно. Острые края стекла полоснули по руке, но она не замедлилась. Боль была несущественной.

Скрытый проход вёл в узкий туннель. Старые коммуникации метро, заброшенные десятилетия назад. Темнота, только слабое свечение аварийных огней.

Джун Ли активировала ночное видение на линзе. Мир окрасился в оттенки зелёного. Впереди – две фигуры, бегущие. Пятьдесят метров. Сорок.

Она побежала, ноги били по бетону с ритмичной точностью. Тело было машиной. Двенадцать лет тренировок, генетических улучшений, психологической обработки. Она была создана для этого. Для погони. Для охоты.

Тридцать метров. Двадцать.

Савельева оглянулась. Их глаза встретились на мгновение. Джун Ли увидела отчаяние. Страх. Но также – упрямство. Женщина, которая не сдастся.

Биохакер швырнул что-то назад. Граната. Не взрывная – газовая. Слезоточивый газ взорвался облаком, заполняя туннель.

Джун Ли задержала дыхание, зажмурила глаза. Бежала вслепую, полагаясь на память о планировке туннеля. Пять секунд. Десять. Пятнадцать.

Выскочила из облака газа. Открыла глаза, судорожно вдохнула. Впереди – развилка туннелей. Три направления.

Какое они выбрали?

Джун Ли прислушалась. Шаги эхом отдавались справа. Она побежала туда.

Туннель сужался, потом расширялся снова. Лестница вверх. Старый служебный выход.

Джун Ли поднялась, выбралась на улицу. Утренний свет ослепил на мгновение. Она оказалась в переулке между зданиями.

И там, в двадцати метрах – Савельева и биохакер. Они бежали к припаркованному фургону.

– Стоять! – закричала Джун Ли, целясь из автомата. – Последнее предупреждение!

Биохакер обернулся, снова поднял нейросонник. Джун Ли нырнула за мусорный контейнер в тот же момент, когда устройство активировалось. Импульс прошёл мимо, но она чувствовала покалывание в пальцах. Краешком задело.

Фургон завёлся. Электрический двигатель взревел. Транспорт рванул с места.

Джун Ли выскочила, побежала за ним. Но фургон был быстрее. Расстояние увеличивалось. Тридцать метров. Сорок. Пятьдесят.

Она остановилась, тяжело дыша. Потеряла их.

Коммуникатор завибрировал.

– Группа три, докладывайте. Цель ускользнула на транспорте. Тип: электрический фургон, белый, без опознавательных знаков. Направление: юго-восток. Активируйте городское наблюдение. Отследите движение.

– Группа три, понял. Начинаем отслеживание.

Джун Ли прислонилась к стене, давая себе минуту восстановиться. Рука кровоточила там, где стекло порезало. Неглубоко, но нужно будет обработать.

Она посмотрела на кровь на ладони. Красная. Человеческая. Напоминание, что несмотря на все улучшения, она всё ещё была уязвима.

Савельева ускользнула. Во второй раз.
Но это было временно. Джун Ли всегда завершала задание. Всегда находила цель.
Это был вопрос времени.

Москва, штаб-квартира "Гелиос"

16 февраля 2635 года, 18:45 (MSK)

Генерал-полковник Виктор Крашенинников стоял у панорамного окна своего кабинета, глядя на Москву, раскинувшуюся внизу. Сорок первый этаж здания "Гелиоса" в деловом районе Сити-2. Отсюда город выглядел как игрушечный – крошечные автомобили, крошечные люди, суесящиеся в своих крошечных жизнях.

Крашенинников видел картину шире. Он видел не город, а шахматную доску. Фигуры двигались по ней, контролируемые невидимыми игроками. Правительства. Корпорации. Спецслужбы. Каждый играл свою партию, стремясь к победе.

А он был одним из игроков. Одним из самых опасных.

Протез левой руки шевельнулся, пальцы сжались в кулак. Высокотехнологичная конечность, неотличимая от настоящей с виду. Но внутри – сервоприводы, датчики, искусственные мышцы. Он потерял руку двадцать лет назад, во время секретной операции в Средней Азии. Биологическое оружие, вырвавшееся из-под контроля. Он был одним из немногих выживших.

Именно тогда он понял: будущее войны – не в танках и самолётах. В биологии. В генетике. В способности изменять человеческое тело, делать солдат сильнее, быстрее, смертоноснее.

Проект "Архей" был его детищем. Два года работы. Сотни миллионов рублей. Десятки учёных. И результат был близок. Контролируемая активация генетической памяти. Солдаты с силой неандертальцев, рефлексам хищников, выносливостью, превосходящей человеческую в десять раз.

Непобедимая армия.

Дверь кабинета открылась. Вошёл майор Александр Орлов, начальник отдела безопасности "Гелиоса". Невысокий, коренастый мужчина с лицом боксёра и глазами, которые не выражали ничего.

– Генерал, получен доклад из Лондона, – сказал Орлов. – МГБ провело операцию в Шордиче. Штурмовали биохакерский кластер. Цель – Ирина Савельева.

Крашенинников повернулся от окна.

– Результат?

– Савельева ускользнула. Но МГБ близко. Агент Джун Ли лично руководит операцией.

– Джун Ли. – Крашенинников усмехнулся. – Китайцы прислали свою лучшую охотницу. Они серьёзно относятся к угрозе.

– Мы тоже должны. Савельева владеет технологией активации. Если она опубликует данные или продаст их конкурентам...

– Я знаю последствия, майор. – Голос Крашенинникова был холодным. – Именно поэтому мы должны действовать первыми. МГБ хочет уничтожить технологию. Мы хотим контролировать её. Разница в подходе.

Он прошёл к столу, активировал голографический дисплей. Появилось досье Ирины Савельевой. Фотография. Биография. Список публикаций. Психологический профиль.

– Савельева – ключ, – продолжил Крашенинников. – Она продолжила работу матери. Активировала протокол на себе. Возможно, дошла до глубоких уровней памяти. Её знания бесценны.

– Но она не захочет сотрудничать добровольно, – заметил Орлов. – Уже отказалась от нашего предложения в Москве.

– Тогда мы сделаем предложение, от которого она не сможет отказаться. – Крашенинников увеличил изображение, фокусируясь на лице Ирины. Умные глаза. Упрямый подбородок. Женщина с характером. – Все имеют слабости, майор. Даже такие одержимые учёные, как Савельева. Нужно только найти правильный рычаг давления.

– Какой рычаг у неё? Семьи нет. Друзей нет. Единственная привязанность – к работе.

– Именно. – Крашенинников выключил дисплей. – И работа требует ресурсов. Оборудования. Данных. Образцов. Всего того, что мы можем предоставить. – Он повернулся к Орлову. – Отправьте команду в Лондон. Лучших. Я хочу, чтобы Савельева была захвачена живой и доставлена в Байкал-сити. Там мы сможем... убедить её в преимуществах сотрудничества.

– Китайцы не позволят нам просто забрать её. МГБ будет охранять.

– МГБ в Лондоне незаконно действует, – сказал Крашенинников. – Британские власти не одобряли их операцию. Дипломатический скандал уже назревает. Мы можем использовать это. Создать ещё больший хаос. В суматохе захватить цель.

– Кого вы хотите отправить?

Крашенинников задумался. Ему нужны были профессионалы. Не солдаты – наёмники. Люди, которые работали вне официальных структур, не оставляли следов.

– Призрака, – сказал он. – И его команду.

Орлов кивнул. Выражение лица не изменилось, но Крашенинников заметил лёгкое напряжение. Призрак был известен даже среди наёмников. Легенда. Призрак прошлого, живущий в настоящем.

– Свяжитесь с ним. Передайте задание. Оплата стандартная – пять миллионов за захват, десять за доставку. Живой и функциональной.

– Будет сделано, генерал.

Орлов вышел. Крашенинников вернулся к окну, глядя на ночную Москву. Огни мегаполиса мерцали, как звёзды.

Где-то там, в Лондоне, Ирина Савельева бежала. Думала, что может скрыться. Думала, что свободна.

Но никто не был свободен. Все были фигурами на доске. И он двигал их, как хотел.

Савельева станет его фигурой. Добровольно или нет – не имело значения.

Проект "Архей" был слишком важен. Будущее России зависело от него. И Крашенинников не позволит одной одержимой учёной разрушить его планы.

Генетическая память изменит мир. Создаст новое человечество. Сильное. Доминирующее. Непобедимое.

И Россия будет во главе этого нового мира.

Лондон, окраина города

17 февраля 2635 года, 02:13

Фургон остановился в заброшенном промышленном районе на восточной окраине Лондона. Старые фабрики, давно закрытые, ржавеющие под дождём. Идеальное место, чтобы спрятаться и перевести дух.

Ирина вышла из фургона, опираясь на стену. Ноги дрожали от адреналина и усталости. Гек следом, держа нейросонник. Лицо его было бледным, глаза лихорадочно блестели.

– Мы не можем оставаться в Лондоне, – сказал он. – МГБ знает о Улье. Они будут искать других моих контактов. У нас есть, может быть, сутки, прежде чем они найдут нас снова.

– Куда идти? – спросила Ирина. – У меня нет документов. Нет денег. Нет—

– У меня есть связи, – перебил Гек. – Не только в Лондоне. Европейская сеть биохакеров большая. Я могу организовать транспорт. Спрятать тебя.

– Недостаточно прятаться. – Ирина выпрямилась, заставляя себя думать ясно. – МГБ не остановится. "Гелиос" тоже. Они будут преследовать меня, пока не поймают или не убьют. Нужно что-то менять.

– Что ты предлагаешь?

– Вернуться в Россию.

Гек уставился на неё.

– Ты шутишь? Россия – это территория "Гелиоса". Крашенинников контролирует половину правительства. Это самоубийство.

– Может быть. Но там есть то, что мне нужно. – Ирина начала ходить взад-вперёд, выстраивая план. – Мать оставила образцы в криохранилище Института. Доступ по её биометрическому ключу, который я могу скопировать с собственной ДНК. Там могут быть данные, которых нет больше нигде. Координаты. Протоколы. Может быть, даже способы контролировать трансформацию.

– Но ты не сможешь просто войти в Институт. Тебя там уволили. Системы безопасности—

– Я знаю. – Ирина остановилась, посмотрела на него. – Именно поэтому мне нужна твоя помощь. Твои навыки взлома. Твоё оборудование.

Гек колебался. Светящиеся глаза изучали её лицо.

– Это безумие.

– Вся моя жизнь последние две недели – безумие. Ещё немного не изменит ситуацию.

Гек засмеялся. Смех был нервным, почти истеричным.

– Знаешь что? Ты права. – Он сунул нейросонник в карман куртки. – Хорошо. Я помогу. Но взамен я хочу копию всех данных, которые ты найдёшь. Всех образцов. Всего протокола.

– Согласна.

– Тогда нам нужен план. – Гек достал коммуникатор, начал печатать. – У меня есть контакт в Париже. Биохакер, специализируется на поддельных документах. Сможет сделать нам паспорта. Потом – поезд до Варшавы, оттуда в Минск, оттуда в Москву. Наземным транспортом, без авиаперелётов. Самолёты слишком контролируются.

– Сколько времени?

– Три дня. Может, четыре.

– Слишком долго. МГБ найдёт нас раньше.

– Быстрее нельзя. Если хочешь качественные подделки, нужно время. – Гек посмотрел на неё. – Или мы можем попробовать совсем нелегальный путь. Контрабандистские маршруты. Грузовые контейнеры. Опасно, но быстро.

Ирина вспомнила свою поездку из Москвы в Лондон. Тесный контейнер. Часы в темноте. Страх быть обнаруженной.

– Нелегальный путь, – решила она. – У нас нет времени на осторожность.

Гек кивнул.

– Есть один человек. Назовём его Змей. Занимается переправкой людей через границы. Дорого, но надёжно. Я свяжусь с ним.

Он начал набирать сообщение, но Ирина остановила его.

– Подожди. Прежде чем уйдём из Лондона... нам нужно сделать копию данных. Всего, что мы скачали из "Гелиоса". Распределить по нескольким хранилищам. На случай, если нас поймают.

– Умно. – Гек согласился. – Я зашифрую файлы, разобью на фрагменты, загружу в децентрализованные сети. Даже если "Гелиос" попытается удалить – не смогут. Информация будет жить.

– Хорошо. Делай.

Пока Гек работал с коммуникатором, Ирина присела на землю, прислонившись к стене фургона. Усталость была всепоглощающей. Две недели бегства, страха, постоянного напряжения. Тело требовало отдыха.

Но разум не мог успокоиться. Слишком много мыслей. Слишком много вопросов.

Она посмотрела на свои руки. Кожа продолжала меняться. Грубела. Темнела. Волоски становились жёстче. Трансформация шла своим чередом. Через неделю, может две, её руки перестанут быть человеческими.

Что будет дальше? Как далеко зайдёт процесс? Превратится ли она в зверя, как испытуемые "Гелиоса"? Или сможет сохранить разум, как хотел Крашенинников?

– Гек, – позвала она. – Когда ты активировал память... когда потерял контроль... как вернулся?

Гек поднял глаза от коммуникатора.

– Не знаю. Помню ярость. Инстинкт убивать. А потом... потом что-то щёлкнуло. Как будто часть меня, человеческая часть, вырвалась на поверхность. Закричала: "Это не ты! Это не то, кто ты есть!" И я услышал. Вспомнил своё имя. Свою цель.

– Значит, личность сильнее памяти?

– Не знаю. Может быть. Или может, я просто был недостаточно глубоко. Активировал только уровень три. Дальше... дальше может быть по-другому. – Он посмотрел на свои ладони. Кожа на них грубела так же, как у Ирины. – Я чувствую это. Изменения продолжают. Каждый день что-то новое. Обоняние обострилось – улавливаю запахи, которые раньше не замечал. Слух лучше. Ночное зрение улучшилось даже без имплантов. Мышцы стали плотнее. Я становлюсь сильнее.

– И что потом? Когда трансформация завершится?

– Не знаю. – Гек улыбнулся, но улыбка была грустной. – Может, стану чудовищем. Может, сверхчеловеком. Может, чем-то средним. Но одно я знаю точно – я не хочу останавливаться. Не хочу возвращаться к тому, кем был. Слабым. Неполноценным. Человеком.

– Человечность – это не слабость.

– Нет? – Гек посмотрел на неё. – Тогда почему мы изменяем себя? Импланты. Модификации. Генная терапия. Мы знаем, что человек несовершенен. И пытаемся исправить. Трансформация – это следующий шаг. Эволюция в действии.

Ирина не могла спорить. Потому что часть её соглашалась. Часть, которая чувствовала силу, растущую в изменяющихся мышцах. Остроту обострённых чувств. Воспоминания древних предков, дающие знания, накопленные миллионами лет.

Это было опьяняющим. И пугающим.

– Готово, – объявил Гек. – Данные зашифрованы и загружены. Теперь даже если нас уничтожат – информация выживет. – Он встал. – Связался со Змеем. Он может переправить нас завтра вечером. Через Ла-Манш, потом наземным транспортом через Францию, Германию, Польшу. В Москву доберёмся через четыре дня.

– Хорошо. А до завтрашнего вечера?

– Прячемся. У меня есть безопасный дом в Ист-Хэме. Старое здание, куплено на подставное имя. Никто не знает о нём.

– Тогда пошли.

Они вернулись в фургон. Гек завёл двигатель, и транспорт плавно тронулся, направляясь на восток.

Ирина смотрела в окно, наблюдая, как мимо пролетают улицы Лондона. Город, который приютил её на три дня. Город, где она нашла союзника. И город, который теперь стал слишком опасным.

Где-то там, в ночи, Джун Ли искала её. Холодная, безжалостная охотница. Женщина, которая не остановится, пока не выполнит задание.

А в Москве, за тысячи километров, Крашенинников планировал. Генерал, который хотел превратить генетическую память в оружие. Создать армию монстров.

Две силы, охотящиеся за ней. МГБ хотел уничтожить технологию. "Гелиос" хотел контролировать её.

А Ирина хотела только понять. Узнать правду. Дойти до конца, до самых глубин памяти, до ответов на вопросы, которые преследовали её всю жизнь.

Кто мы? Откуда пришли? Куда идём?

Ответы были в ДНК. В генетической библиотеке, хранящей четыре миллиарда лет истории.

И она прочитает эту библиотеку. Чего бы это ни стоило.

18 февраля 2635 года, 14:30

Безопасный дом в Ист-Хэме оказался трёхкомнатной квартирой на втором этаже старого кирпичного здания. Окна выходили в тихий дворик, где играли дети. Обычный жилой район. Ничто не выделяло это место.

Именно поэтому оно было безопасным.

Ирина провела день, отдыхая и готовясь к путешествию. Гек работал с компьютером, финализируя детали с контрабандистом. Вечером они должны были встретиться со Змеем на доках.

Около двух часов дня Гек вышел за едой. Вернулся через полчаса с пакетами синтетических продуктов и термосом с кофе.

– Новости, – сказал он, включая голографический экран. – И они не хорошие.

Экран показал выпуск новостей. Женщина-диктор с безупречными чертами лица и механическим голосом зачитывала сводку:

«...дипломатический скандал между Великобританией и Китайской Конфедерацией усугубляется после вчерашнего инцидента в районе Шордич. Агенты МГБ провели несанкционированную спецоперацию на территории Лондона, в результате которой пострадали семнадцать гражданских лиц. Правительство Великобритании выразило резкий протест и потребовало отзыва агента Джун Ли. Однако официальный представитель МГБ заявил, что операция проводилась в рамках международного сотрудничества по борьбе с биологическим терроризмом...»

Изображение сменилось на фотографию Ирины. Старая, из архива Института. Она смотрела в камеру с серьёзным выражением лица.

«...разыскивается гражданка России Ирина Савельева, тридцать восемь лет, генетик. Обвиняется в незаконных экспериментах с биологическими материалами и разработке потенциального оружия массового поражения. Считается крайне опасной. Любая информация о её местонахождении должна быть немедленно передана в правоохранительные органы...»

Ирина смотрела на свою фотографию на экране. Крайне опасная. Оружие массового поражения. Они представили её как террористку.

– Они делают из тебя чудовище, – сказал Гек. – Пугают общественность. Это классическая тактика. Чем больше страха, тем легче оправдать любые действия против тебя.

– Значит, теперь не только МГБ и "Гелиос" охотятся за мной. Обычные люди тоже будут докладывать о каждой подозрительной женщине.

– Да. – Гек выключил экран. – Это усложняет побег. Но не делает невозможным. Змей профессионал. Он переправлял людей, за которыми охотились куда серьёзнее.

Ирина кивнула, но внутри росла тревога. Петля затягивалась. С каждым часом вариантов становилось меньше. Путь к отступлению – тоже.

Оставалось только идти вперёд. В надежде, что впереди есть выход.

Гек прошёл к окну, выглянул на улицу. Замер.

– Дерьмо.

– Что? – Ирина подошла.

На улице, возле входа в здание, стояли два автомобиля. Чёрные, с тонированными стёклами. Из них выходили люди. Четверо. Одеты в гражданское, но движения выдавали военную подготовку.

– МГБ? – спросила Ирина.

– Не знаю. Может быть. – Гек отступил от окна. – Но они явно не случайно здесь. Кто-то донёс.

– Как они узнали?

– Не важно. Важно, что нам нужно уходить. Прямо сейчас.

Он схватил рюкзак, начал запихивать туда необходимое – ноутбук, флэшки с данными, несколько инструментов.

Ирина смотрела в окно. Люди входили в здание. Через минуту они будут здесь.

– Есть чёрный ход?

– Пожарная лестница. Через окно кухни. – Гек кинул ей рюкзак. – Пошли!

Они бросились к кухне. Гек распахнул окно, выглянул. Пожарная лестница спускалась вниз, в задний двор.

– Вперёд, – сказал он.

Ирина полезла в окно, ступила на металлическую решётку лестницы. Конструкция качнулась под её весом, ржавые болты скрипнули.

Гек следом. Они начали спускаться, быстро, но осторожно. Лестница была старой, ненадёжной.

За их спиной – звук выбиваемой двери. Крики. Они ворвались в квартиру.

– Быстрее! – шепнул Гек.

Они спрыгнули на землю, оказались в узком переулке между зданиями. Побежали.

Позади – голоса. Кто-то увидел их из окна.

– Цель на пожарной лестнице! Перехватить!

Ирина и Гек выскочили из переулка на улицу. Людно. Толпы прохожих. Они слились с потоком, пытаясь затеряться.

Но преследователи были профессионалами. Двое появились впереди, отрезая путь. Двое сзади, догоняя.

Ловушка.

Гек выхватил нейросонник. Направил на тех, кто впереди. Нажал активацию.

Невидимая волна ударила. Оба преследователя рухнули, конвульсивно дёргаясь.

Прохожие закричали, разбегаясь. Паника.

– Бежим! – Гек схватил Ирину за руку, потащил в сторону.

Они бежали по улице, сбивая людей. За спиной – крики, топот ног.

Впереди – станция метро. Вход, ведущий вниз.

Ирина и Гек нырнули туда, сбежали по лестнице. Турникеты – они перепрыгнули, игнорируя протесты охранника.

Платформа. Люди ждали поезд. Ирина и Гек протиснулись в центр толпы.

– Думаешь, оторвались? – спросила Ирина, тяжело дыша.

– Не знаю. – Гек оглядывался. – Но долго здесь оставаться нельзя. Камеры видеонаблюдения. Распознавание лиц. Они найдут нас.

Поезд подъехал. Двери открылись. Толпа хлынула внутрь. Ирина и Гек втиснулись в вагон.

Двери закрылись. Поезд тронулся.

Ирина прислонилась к стенке, пытаясь успокоить бешеное сердцебиение. Они ускользнули. Снова. В третий раз за неделю.

Но это не могло продолжаться вечно. Рано или поздно удача закончится.

– Нам нужно выбираться из Лондона сегодня, – сказала она. – Не ждать вечера. Прямо сейчас.

– Змей может не согласиться на изменение плана—

– Предложи ему двойную оплату. Тройную. Сколько нужно.

Гек задумался, потом кивнул.

– Хорошо. Я свяжусь.

Он достал коммуникатор, начал печатать сообщение.

Ирина смотрела в окно вагона. Туннель метро мелькал за стеклом, тёмный, бесконечный. Как будущее. Неизвестное. Пугающее.

Но она продолжит двигаться вперёд. Через темноту. К свету. К ответам.

Что бы ни ждало впереди.

19 февраля 2635 года, 03:40

Грузовой поезд катился через темноту со скоростью полторы тысячи километров в час. Ирина и Гек сидели в контейнере между ящиками с промышленными деталями. Тесно. Холодно. Но безопасно.

Змей сдержал слово. За тройную плату организовал переправку в тот же день. Фальшивые документы для прохода на грузовой терминал. Контейнер, который не будут досматривать. Маршрут через Францию, Германию, Польшу, прямо в Россию.

Четыре дня в пути. Может, меньше, если повезёт.

Ирина дремала, прислонившись к стенке контейнера. Сны были фрагментированными, беспокойными. Красное небо. Два солнца. Существа, создающие споры. Память, пульсирующая в клетках.

Она просыпалась каждый час, дезориентированная, не помнящая, где находится. Потом реальность возвращалась. Контейнер. Поезд. Бегство.

Гек тоже не спал нормально. Сидел с ноутбуком на коленях, что-то печатая, изучая данные. Светящиеся глаза были единственным источником света в темноте контейнера.

– Что ты делаешь? – спросила Ирина после очередного пробуждения.

– Анализирую файлы "Гелиоса", – ответил Гек, не отрывая взгляда от экрана. – Ищу информацию об ингибиторах. Препаратах, которые они разработали для контроля трансформации.

– Нашёл что-нибудь?

– Да. – Гек повернул ноутбук, показывая ей экран. – Они используют комбинацию эпигенетических модификаторов и нейротрансмиттеров. Подавляют активацию определённых генов, блокируют сигналы, идущие от древней памяти. Это не останавливает трансформацию полностью, но замедляет и делает контролируемой.

– Можем ли мы синтезировать эти препараты?

– Теоретически, да. Но нужны специфические реактивы. И время. – Гек закрыл ноутбук. – Когда доберёмся до Москвы, я попробую. Если найдём лабораторию.

– Найдём, – сказала Ирина с уверенностью. – В Институте есть всё необходимое. Нужно только проникнуть внутрь.

– Ты делаешь это звучать легко.

– Не легко. Но возможно. – Ирина вспомнила планировку здания. Сорок этажей. Лаборатории на уровнях с третьего по тридцать пятый. Криохранилище на подземном уровне. Системы безопасности везде. – У меня есть преимущество. Я знаю здание. Знаю, где слабые места в безопасности.

– И всё равно понадобится помощь. Взлом систем, отключение камер, обход биометрии. – Гек посмотрел на свои руки. Пальцы были длиннее, чем раньше, суставы крупнее. Трансформация прогрессировала. – Я справлюсь. Но времени будет мало. Как только мы активируем систему, сработает сигнализация. У нас будет минут пятнадцать, может двадцать, до прибытия охраны.

– Достаточно, – сказала Ирина. – Мне нужно только добраться до криохранилища, получить образцы матери, скопировать данные. Пятнадцать минут хватит.

– Надеюсь, ты права.

Они замолчали. Поезд катился дальше, сквозь ночь, сквозь границы. Каждый километр приближал их к Москве. К финальной части плана.

Или к западне. Это зависело от удачи. И от того, насколько хорошо они подготовятся.

Ирина закрыла глаза, пытаясь уснуть ещё раз. Но сон не шёл. Мысли кружились.

Крашенинников. Джун Ли. Охотники, преследующие её. Они не остановятся. Будут искать, пока не найдут.

И когда найдут...

Она не знала, что случится. Захватят живой? Убьют? Превратят в подопытное животное для экспериментов?

Любой исход был плохим.

Единственный способ выжить – действовать первой. Найти ответы. Завершить работу матери. Раскрыть всю правду о генетической памяти.

И тогда, может быть, охота закончится.

Или превратится в нечто ещё более опасное.

Москва, штаб-квартира "Гелиос"

20 февраля 2635 года, 11:15 (MSK)

Крашенинников сидел за столом, изучая доклады. Операция в Лондоне провалилась. МГБ тоже потеряло след Савельевой. Она исчезла, словно растворилась.

Но Крашенинников был терпелив. Савельева совершит ошибку. Все совершали. Рано или поздно.

Дверь открылась. Вошёл Орлов.

– Генерал, Призрак на связи. Доклад из Европы.

– Соединяй.

Голографический экран активировался. Появилось лицо мужчины. Тридцать пять – сорок лет, трудно определить точно. Лицо было обычным, таким, которое забываешь сразу после встречи. Но глаза... глаза были мёртвыми. Холодными. Как у акулы.

Кирилл "Призрак" Соколов. Легенда среди наёмников. Бывший спецназовец, участвовавший в секретных операциях по всему миру. Потом – имплантация экспериментальных рефлексов, которая сделала его быстрее любого человека. Потом – уход в частный сектор. Наёмник без привязанностей, без морали, без сожалений.

Идеальный инструмент для грязной работы.

– Генерал Крашенинников, – голос Призрака был ровным, без интонаций. – Докладываю. Цель локализована.

– Где?

– В пути. Грузовой поезд, маршрут Париж-Варшава-Москва. Прибытие через тридцать восемь часов. У меня есть точное расписание и номер контейнера.

Крашенинников усмехнулся. Савельева думала, что сможет спрятаться в грузовом потоке. Но она недооценила ресурсы "Гелиоса". Они контролировали транспортную сеть. Имели доступ к системам отслеживания. Знали о каждом контейнере, пересекающем границу.

– Превосходная работа. Где планируешь перехват?

– Москва. Грузовой терминал Внуково-Карго. Когда поезд прибудет, мы заблокируем выход, изолируем контейнер, захватим цель.

– Живой?

– Живой и невредимой, – подтвердил Призрак. – Как заказывали.

– Хорошо. Доставите в Байкал-сити. Немедленно. Лаборатория будет готова.

– Понял. – Призрак кивнул. – Оплата?

– Будет переведена после доставки. Пять миллионов авансом, десять по завершении.

– Приемлемо.

Связь прервалась. Лицо Призрака исчезло с экрана.

Крашенинников откинулся в кресле, довольный. Всё шло по плану. Через двое суток Савельева будет в его руках. В Байкал-сити. Где никто не сможет ей помочь. Где она будет вынуждена сотрудничать.

Или сломаться.

Но так или иначе, проект "Архей" получит то, что нужно. Знания. Протокол. Саму Савельеву как живой эксперимент.

Генетическая память станет оружием России. Непобедимым. Абсолютным.

И Крашенинников войдёт в историю как человек, изменивший ход человеческой эволюции.

Польша, пограничная станция

20 февраля 2635 года, 18:20 (СЕТ)

Поезд остановился на пограничной станции между Польшей и Беларусью. Стандартная процедура – проверка документов на груз, сканирование контейнеров.

Ирина и Гек сидели в темноте, затаив дыхание. Змей обещал, что контейнер не будут досматривать. Но обещания не всегда сдерживались.

Снаружи – голоса. Шаги. Звук работающих сканеров.

Ирина сжала руку Гека. Он ответил тем же.

Минуты тянулись как часы.

Потом – стук в стенку контейнера. Ирина вздрогнула.

Голос снаружи, на польском:

– Контейнер номер восемь-четыре-два-семь, груз промышленные детали, получатель "Москов-Индастри Лимитед". Документы в порядке. Отметка о прохождении.

Шаги удалились.

Ирина выдохнула. Пронесло.

Поезд тронулся через двадцать минут. Продолжил путь. Следующая остановка – Минск. Потом – Москва.

– Мы почти на месте, – прошептал Гек. – Ещё сутки.

– Да, – ответила Ирина. – Ещё сутки.

И потом начнётся финальная часть. Самая опасная.

Проникновение в Институт. Под носом у "Гелиоса". Под носом у властей.

Безумие.

Но она пойдёт до конца. Потому что другого выхода не было.
Только вперёд. Сквозь темноту. К свету.
К правде, скрытой в глубинах генетической памяти.
К ответам, за которые умерла её мать.
И к трансформации, которая изменит её навсегда.
Поезд катился сквозь ночь. К Москве. К судьбе.
К финалу охоты.

Глава 5. Возвращение

Москва, подземелья Сколково

22 февраля 2635 года, 02:47

Грузовой терминал Внуково-Карго встретил их предрассветным холодом и запахом машинного масла. Ирина выбралась из контейнера, разминая затёкшие мышцы, и на мгновение остановилась, вдыхая московский воздух. Четыре дня в дороге. Четыре дня в тесноте, темноте, страхе. Но они добрались.

Москва выглядела одновременно знакомой и чужой. Небоскрёбы Новой Москвы поднимались к звёздам, их вершины терялись в низких облаках. Вертикальные фермы светились изумрудным – ночной цикл фотосинтеза. Транспортные артерии мерцали огнями проносящихся капсул. Город-гигант, город-организм, никогда не спящий.

Но для Ирины это был дом. Место, где она родилась, выросла, стала тем, кем стала. Место, где умерла её мать. И место, где могли быть ответы.

– Нужно двигаться, – прошептал Гек, выбираясь следом. – Призрак знает, что мы здесь. У нас мало времени.

Ирина кивнула. Они быстро пересекли территорию терминала, держась в тени грузовых контейнеров, избегая зон видимости камер. Гек изучил схему безопасности ещё в дороге, запомнил слепые зоны, маршруты патрулей.

Выход был на восточной стороне, через служебные ворота. Биометрический замок, но Гек подключил взломщик – маленькое устройство размером с монету, которое перебирало варианты со скоростью тысячи в секунду. Через минуту замок щёлкнул. Зелёный свет.

Они вышли на улицу. Район Внуково-4, окраина Новой Москвы. Здесь жили мигранты, рабочие, те, кто не мог позволить себе центральные кластеры. Старые панельные дома перемежались с новыми, дешёвыми постройками из модульных блоков. На улицах было пустынно – три часа ночи, большинство спало.

– Куда теперь? – спросил Гек.

– Сколково, – ответила Ирина. – Старая часть. Там были лаборатории первого поколения, построенные в начале века. Большинство заброшены, когда Институт переехал в новое здание. Но оборудование могло остаться.

– Как доберёмся? Общественный транспорт требует регистрации.

– Пешком. – Ирина достала коммуникатор, вызвала карту. – Двадцать километров. Четыре часа ходьбы. До рассвета успеем.

Гек не спорил. Они пошли, держась тихих улиц, избегая главных магистралей. Ночная Москва была странной – одновременно живой и мёртвой. Город никогда не спал полностью, но ночью просыпалась другая его часть. Люди ночной смены. Уличные торговцы. Проститутки. Наркоманы. Бездомные, хотя официально их не существовало – система социального обеспечения должна была охватывать всех.

Ирина шла быстро, почти не чувствуя усталости. Трансформация делала её выносливее. Мышцы работали эффективнее, меньше уставали. Дыхание было глубоким, ровным. Она замечала детали, которые раньше пропускала – запахи, звуки, движения в периферийном зрении.

Рядом Гек двигался с нервной энергией. Светящиеся глаза постоянно сканировали окрестности. Он видел в темноте лучше, чем обычный человек. Нейроимпланты усиливали доступный свет, превращая ночь в сумерки.

Они прошли через промышленный район. Старые заводы, большинство автоматизировано, работали круглосуточно. Роботы-грузчики перемещали контейнеры. Дроны летали над крышами, патрулируя периметр.

Потом – жилой сектор. Высотки, сто пятьдесят этажей каждая, окна тёмные. Люди спали, не зная, что внизу проходят беглецы, разыскиваемые половиной мира.

К пяти утра они достигли Сколково. Старая часть, построенная в начале двадцать первого века. Здания выглядели древними по современным меркам – всего двадцать-тридцать этажей, бетон и стекло, без вертикальных ферм и биотехнологических фасадов. Многие были заброшены, когда технопарк расширился и переместился в новую зону.

– Вот здесь, – Ирина остановилась перед четырёхэтажным зданием с выбитыми окнами. – Биотехнологический центр номер три. Закрыт десять лет назад. Мать работала здесь до перевода в главный Институт.

Они обошли здание, нашли служебный вход. Дверь была заперта, но Гек справился с замком за тридцать секунд.

Внутри пахло затхлостью, плесенью, разложением. Коридоры были тёмными, только слабый свет луны пробивался через грязные окна. Стены облупились, краска осыпалась. На полу валялся мусор – обломки мебели, старые бумаги, куски оборудования.

– Электричество отключено, – сказал Гек, проверяя выключатель. – Нужен генератор.

– Подвал, – ответила Ирина. – Там должен быть аварийный источник питания. Автономный, на топливных ячейках.

Они спустились по лестнице. Подвал был ещё темнее, воздух влажный и холодный. Ирина включила фонарик на коммуникаторе. Луч света выхватил из темноты трубы, провода, старое оборудование.

В дальнем углу – металлический шкаф с надписью "Аварийное питание". Гек открыл, изучил содержимое.

– Топливные ячейки, – пробормотал он. – Старая модель, но должна работать. – Он начал возиться с проводами, подключая систему. – Даю питание... сейчас...

Щелчок. Гул пробуждающегося генератора. Потом – свет. Тусклый, мерцающий, но достаточный.

– Отлично, – Ирина направилась обратно к лестнице. – Лаборатории на втором этаже. Пошли.

Второй этаж был в лучшем состоянии, чем первый. Лаборатории были опечатаны, двери заперты. Но Гек открывал их одну за другой, пока они не нашли то, что искали.

Лаборатория генетических исследований. Помещение размером десять на двенадцать метров. Столы с оборудованием, покрытым пылью. Микроскопы, центрифуги, секвенаторы ДНК, синтезаторы – всё старое, устаревшее, но функциональное.

– Это сработает? – спросил Гек, изучая оборудование.

– Должно. – Ирина подошла к секвенатору, провела пальцем по корпусу. Пыль осталась на коже. – Технологии двадцать лет назад, но принципы те же. Я работала с такими в университете.

Она начала проверять оборудование, включая его, тестируя функции. Большинство работало. Некоторые модули были мертвы, но критически важные – секвенатор, анализатор эпигенома, синтезатор белков – функционировали.

– Нам повезло, – сказала она. – Кто-то законсервировал лабораторию правильно. Оборудование было выключено, но не демонтировано.

– Или кто-то планировал вернуться, – предположил Гек. – И не смог.

Возможно. Ирина не знала истории этого места. Знала только, что мать работала здесь двадцать лет назад, в самом начале своих исследований генетической памяти.

Может быть, именно здесь всё началось. Первые эксперименты. Первые открытия. Первые намёки на то, что некодирующая ДНК хранит тайну.

Ирина прошла к шкафу с реактивами. Открыла. Внутри – десятки пузырьков, пробирок, контейнеров. Многие пустые или высохшие. Но некоторые были запечатаны, законсервированы в вакууме. Они могли быть пригодными.

– Гек, помоги проверить реактивы. Нам нужны основные компоненты для синтеза активаторного комплекса.

Они провели следующий час, перебирая содержимое шкафов, проверяя срок годности, состояние веществ. Нашли примерно половину необходимого. Остальное придётся синтезировать из доступных прекурсоров.

– Времени понадобится часов двенадцать, – сказала Ирина, составляя список. – Может, больше. Оборудование старое, работает медленно.

– У нас есть время, – ответил Гек. – Пока Призрак думает, что мы на терминале. Когда он поймёт, что мы ускользнули, начнёт искать. Но это займёт несколько часов.

Ирина кивнула. Начала настраивать оборудование, готовить первый этап синтеза. Гек помогал, следуя её инструкциям, обучаясь на ходу.

Работа была медитативной. Точные движения. Отмеренные дозы. Контролируемые реакции. Наука в чистом виде. Ирина чувствовала, как напряжение последних недель начинает спадать. Здесь, в лаборатории, она была дома. Здесь она контролировала ситуацию.

К полудню первый этап был завершён. Промежуточные продукты в пробирках, готовые для следующей стадии.

– Перерыв, – объявил Гек, доставая пакет с синтетической едой. – Нужно поесть. Ты ничего не ела с вечера.

Ирина не чувствовала голода, но знала, что тело нуждается в энергии. Села, взяла батончик, начала жевать. Вкус был отвратительным, но калории – необходимыми.

Гек сидел напротив, изучая её лицо.

– Ты изменилась, – сказал он тихо.

– Знаю. – Ирина посмотрела на свои руки. Кожа была грубой, почти как кожа животного. Волоски жёсткие, тёмные. Ногти толще, прочнее. – Трансформация продолжается.

– Не только физически. – Гек наклонил голову. – Ты двигаешься иначе. Более... хищно. Инстинктивно. Как будто часть тебя уже не человек.

Ирина знала, о чём он говорит. Чувствовала это сама. Древние инстинкты просачивались в сознание. Охотничьи рефлексы. Территориальность. Агрессия, скрытая под поверхностью, готовая вырваться.

– Уровень два активирован полностью, – сказала она. – Ранние Homo sapiens. Их память влияет на моё поведение. Это нормально. Контролируемо.

– Пока, – добавил Гек. – Но что будет, когда активируешь глубже? Уровень три? Четыре? Пять?

– Не знаю. – Ирина допила воду из бутылки. – Именно поэтому я хочу провести ещё один эксперимент. Активировать уровень пять. Под контролем. Посмотреть, что произойдёт.

– Это опасно—

– Всё, что мы делаем, опасно, – перебила она. – Но нужно знать. Понимать процесс. Иначе трансформация будет неконтролируемой. Как у испытуемых "Гелиоса". Как у Кидда.

Гек колебался, потом кивнул.

– Хорошо. Но я буду мониторить. И если что-то пойдёт не так – остановлю. Любыми средствами.

– Согласна.

Они вернулись к работе. К вечеру активаторный комплекс был готов. Прозрачная жидкость в колбе, слегка опалесцирующая. Ирина держала её на свету, изучая.

– Концентрация в три раза выше, чем для уровня два, – сказала она. – Это должно активировать более глубокие слои памяти. Уровень пять – ранние позвоночные. Триста миллионов лет назад.

– Ты уверена, что хочешь это делать?

Ирина посмотрела на Гека. Светящиеся глаза смотрели в ответ, беспокойно.

– Да. Мне нужно знать. Понять, как далеко может зайти трансформация. Что ждёт в глубинах памяти.

– Тогда готовься. – Гек начал подключать датчики к медицинскому креслу, которое они нашли в соседней комнате. – Я буду отслеживать все показатели. Пульс, давление, мозговая активность. Если начнутся осложнения – введу ингибитор. Я синтезировал базовую версию из формулы "Гелиоса". Не идеальную, но должна сработать.

Ирина легла в кресло, позволяя ему прикрепить электроды. К груди. К вискам. К запястьям. Холодные датчики на коже.

– Готова?

– Готова.

Гек взял шприц с активаторным комплексом. Нашёл вену на её руке, ввёл иглу. Глаза встретились. На мгновение Ирина увидела страх в его взгляде. Страх потерять её. Страх того, что она не вернётся.

– Всё будет хорошо, – прошептала она.

– Надеюсь.

Он нажал на поршень.

Активаторный комплекс потёк в кровоток. Холодный. Тяжёлый. Ирина чувствовала, как он распространяется по телу, достигает мозга, начинает работу.

Секунда. Две. Пять.

Тепло. Сначала лёгкое, потом более интенсивное. Кровь закипала. Клетки пробуждались. Древние гены активировались.

Десять секунд. Пятнадцать.

Боль. Не такая острая, как в первый раз, но глубокая. Пульсирующая. Как будто каждая клетка тела перестраивалась одновременно.

Двадцать секунд.

Мир начал искажаться. Лаборатория плыла, стены таяли, потолок исчезал.

И потом—

—она упала.

Вниз.

Сквозь слои времени.

Сквозь миллионы лет.

Уровень три: Неандертальцы.

Холод. Пещера. Огонь. Запах мяса и дыма. Она сидит у костра, разделявая тушу. Руки сильные, покрытые шрамами. Вокруг – клан. Они говорят примитивным языком, звуками и жестами.

Ночь. Звёзды. Они смотрят в небо и чувствуют что-то. Не понимают что. Тоску. Память о чём-то забытом. Что-то в генах шепчет: "Вы не отсюда".

Память ускоряется.

Уровень четыре: Ранние гоминиды.

Саванна. Жара. Она бежит на двух ногах. За ней – львица. Страх пульсирует в каждой клетке. Бежать. Выжить. Добраться до деревьев.

Забирается. Безопасность. Львица внизу, рычит, но не может достать.

Она смотрит на свои руки. Длинные пальцы. Способные хватать ветки. Способные держать камни. Способные создавать инструменты.

Первые проблески разума. Первое понимание: мир можно изменить.

Память ускоряется.

Уровень пять: Ранние позвоночные.

Вода. Тёплая, мутная вода древнего океана. Она плывёт – примитивное существо, длинной в ладонь. Тело покрыто чешуёй. Жабры фильтруют кислород. Хвост извивается, толкая вперед.

Страх везде. Хищники большие, быстрее, опаснее. Выживание – единственная цель. Есть. Размножаться. Не быть съеденной.

Но есть и нечто другое. Инстинкт, закодированный глубже инстинкта выживания. Программа. Ждущая.

Программа шепчет: "Эволюционируй. Становись сложнее. Выходи на сушу. Развивайся. Станови ♦♦ разумным. И тогда ты вспомнишь".

Память начинает углубляться дальше. К первым многоклеточным. К бактериям. К самому началу.

Но потом—

—разрыв.

Нечто блокирует. Стена. Барьер, который нельзя пройти без более глубокой активации.

Уровни шесть и семь закрыты. Пока.

Но память уровня пять продолжает разворачиваться. Триста миллионов лет жизни в океане. Охота. Страх. Инстинкты, отточенные выживанием.

И что-то ещё. Чувства. Обострённые, усиленные. Она ощущает каждую вибрацию воды. Каждый запах. Каждое движение вокруг.

Хищник. Она хищник. Пусть и маленький. Пусть и слабый. Но хищник.

И эти инстинкты начинают просачиваться в её человеческое сознание. Сливаться. Изменять.

Ирина вернулась в реальность с криком.

Она сидела в кресле, тело покрыто потом, мышцы напряжены до судорог. Дыхание ровное, сердце колотится.

Гек склонился над ней, держа шприц с ингибитором наготове.

– Ирина! Ты меня слышишь?

Она смотрела на него, но не видела. Видела только воду. Древний океан. Хищников, плавающих в темноте.

Потом мир снова сфокусировался. Лаборатория. Гек. Датчики, подключённые к её телу.

– Я... я здесь, – прохрипела она.

– Ты была без сознания двадцать минут. – Голос Гека дрожал. – Я думал, потерял тебя.

– Нет. – Ирина медленно села. Голова кружилась. – Я просто... путешествовала. В прошлое. В глубокое прошлое.

– Что ты видела?

– Воду. Океан. Существование примитивного позвоночного. Триста миллионов лет назад. – Она посмотрела на свои руки. Они дрожали. – И инстинкты. Хищные инстинкты. Они всё ещё здесь, в моём разуме. Шепчут. Требуют.

Гек помог ей встать. Ноги были слабыми, но держали. Ирина прошла несколько шагов, разминаясь.

И заметила изменения.

Мир выглядел иначе. Острее. Детальнее. Она видела текстуры, которые раньше не замечала. Волокна в древесине стола. Пылинки, плавающие в воздухе. Микроскопические царапины на стекле колб.

– Зрение, – прошептала она. – Оно улучшилось.

– Не только зрение, – сказал Гек. Он взял её руку, поднёс к свету. – Смотри.

Кожа изменилась. Стала более грубой, более текстурированной. Волоски жёстче. Но главное – ногти. Они стали длиннее, острее. Почти как когти.

– Трансформация ускорилась, – констатировал Гек. – Активация уровня пять запустила каскад изменений. Твоё тело адаптируется к памяти. Приобретает черты древних предков.

Ирина согнула пальцы, изучая ногти-когти. Они были функциональными. Острыми. Опасными.

– Что ещё изменилось?

Гек провёл полное сканирование. Результаты появились на экране через несколько минут.

– Плотность костей увеличена на двадцать процентов. Мышечная масса на пятнадцать процентов. Метаболизм ускорился. Нервная проводимость повысилась. – Он пролистал данные. – Твой мозг тоже изменился. Появились новые нейронные связи. Паттерны активности напоминают... – он замолчал.

– Что?

– Напоминают мозг хищника. Рептилии. Или ранней рыбы. – Гек посмотрел на неё. – Память не просто даёт воспоминания. Она перестраивает мозг. Делает его ближе к форме предка.

Ирина ощущала это. Мысли текли иначе. Быстрее. Более инстинктивно. Меньше размышлений, больше реакций. Она чувствовала окружение по-новому. Каждое движение Гека регистрировалось. Каждый звук снаружи. Каждая вибрация.

Хищник. Она становилась хищником.

– Это обратимо? – спросила она.

– Не знаю. – Гек закрыл экран. – "Гелиос" утверждает, что их ингибиторы могут контролировать процесс. Замедлять. Но остановить полностью? Вернуть назад? Данных нет.

Ирина подошла к зеркалу на стене. Изучила своё отражение.

Лицо было всё ещё человеческим. Но черты заострились. Скулы выступили. Глаза стали более широкими, зрачки чуть больше. Зубы... она оскалилась. Клыки были длиннее. Острее.

Она выглядела как хищник, прикидывающийся человеком.

– Я не могу показываться на публике, – сказала она. – Слишком заметно. Люди увидят, что я не нормальная.

– Мы найдём способ скрыть изменения. Одежда. Макияж. Контактные линзы для глаз. – Гек подошёл, встал рядом. – Но рано или поздно это станет невозможным. Трансформация продолжится. И тогда...

– Тогда я уже не смогу жить среди людей, – закончила Ирина. – Стану изгоем. Чудовищем.

– Или сверхчеловеком, – предложил Гек. – Зависит от точки зрения.

Ирина не ответила. Смотрела на своё отражение. На существо, которым становилась.

Была ли это эволюция? Или деградация? Она теряла человечность, но обретала что-то другое. Силу. Инстинкты. Связь с прошлым, уходящим на миллионы лет.

Мать боялась этого. Выбрала смерть.

Кидд принял. И погиб.

Что выберет Ирина?

Она не знала. Не могла знать. Путь был неизвестен. Финал – неопределён.

Но одно она знала точно: остановиться было невозможно. Трансформация шла своим чередом. Генетическая программа, заложенная четыре миллиарда лет назад, выполнялась. И ничто не могло её остановить.

Кроме смерти.

Звук разбитого стекла разорвал тишину.

Ирина развернулась мгновенно, тело отреагировало до того, как мозг осознал угрозу. Хищный инстинкт. Гек тоже замер, рука потянулась к нейросоннику.

Шаги. Быстрые, уверенные. Кто-то вошёл в здание.

– Нас нашли, – прошептал Гек.

– Как?

– Не важно. Нужно уходить. Сейчас.

Они бросились к двери лаборатории, но остановились. Шаги приближались по коридору. Не один человек. Трое. Четверо.

– Окно, – Ирина указала на окно на противоположной стене.

Они подбежали. Гек распахнул окно, выглянул. Второй этаж. Шесть метров до земли. Прыжок был рискованным, но возможным.

– Прыгай, – сказал он.

Ирина не колебалась. Вылезла в окно, повисла на руках, оттолкнулась от стены. Падение. Мир замедлился. Она видела каждую деталь – текстуру асфальта, трещины, мусор. Тело инстинктивно группировалось, готовясь к удару.

Приземление. Боль в ступнях, но кости целы. Она перекатилась, гася импульс, встала.

Гек прыгнул следом. Приземлился рядом, более неловко. Споткнулся, но устоял.

– Бежим!

Они побежали через двор, к дальнему выходу. За спиной – крики. Кто-то увидел их из окна.

– Цель обнаружена! Задний двор! Перехватить!

Ирина бежала быстрее, чем когда-либо в жизни. Трансформированные мышцы давали скорость. Лёгкие работали эффективно. Она не задыхалась. Не уставала.

Выскочили на улицу. Утро. Семь часов. Люди шли на работу. Остановились, удивлённые, глядя на двух бегущих фигур.

Ирина и Гек свернули в переулок, потом в другой. За ними – погоня. Двое преследователей. Быстрые. Тренированные.

– В метро! – крикнул Гек, указывая на вход станции впереди.

Они нырнули вниз, перепрыгнули турникеты. Охранник закричал, но они игнорировали. Платформа. Поезд как раз прибывал.

Двери открылись. Они втиснулись внутрь. Толпа пассажиров возмутилась, но расступилась.

Двери начали закрываться. Преследователи выскочили на платформу, бежали к поезду.

Слишком поздно. Двери закрылись. Поезд тронулся.

Ирина прислонилась к стенке вагона, тяжело дыша. Сердце колотилось. Адреналин пульсировал в венах.

Пассажиры смотрели на неё с подозрением. Она понимала почему. Взъерошенные волосы. Грязная одежда. Дикие глаза. Она выглядела как сумасшедшая. Или наркоманка. Или беглая преступница.

Что, в общем-то, было правдой.

– Следующая станция, – прошептал Гек. – Выходим. Меняем поезд. Запутываем след.

Ирина кивнула.

Поезд остановился. Они вышли, перешли на другую линию, сели в другой поезд. Потом ещё раз. И ещё.

Через час они были уверены: погоня потеряна.

Вышли на станции в Бутово, южном районе Москвы. Нашли укромное место в заброшенном здании – старый торговый центр, закрытый лет двадцать назад.

Сели на пол, спиной к стене. Молчали.

Потом Гек сказал:

– Они знали, где мы. Не просто район. Конкретное здание. Как?

– Не знаю, – ответила Ирина. Мозг работал, перебирая варианты. – Может, камеры видеонаблюдения на улицах. Распознавание лиц.

– Нет. Я отключил все камеры в радиусе километра вокруг лаборатории. Они не могли видеть.

– Тогда... информатор? Кто-то видел нас, доложил?

– Возможно. Но это означает, что за нами следят везде. По всему городу.

Ирина задумалась. Что-то было не так. Они были слишком осторожны. Слишком параноидальны. Но их всё равно находили.

Потом она вспомнила.

– Трекер, – прошептала она. – Когда Крашенинников встречался со мной в Кремле. Он установил трекер. Ты удалил его в Лондоне. Но что, если был ещё один? Резервный?

Гек посмотрел на неё.

– Если ты права... нужно сканировать. Полностью. Каждый сантиметр твоего тела.

– Здесь нельзя. Нужно оборудование.

– Я знаю место. – Гек достал коммуникатор. – У меня есть контакт в Москве. Биохакер. Мы помогали друг другу в прошлом. У него есть лаборатория. Не такая оснащённая, как в Лондоне, но достаточная для сканирования.

– Можно ему доверять?

– Не знаю. Но выбора нет.

Гек начал печатать сообщение. Ирина смотрела в окно. Москва за стеклом жила своей жизнью. Миллионы людей, не знающих, что среди них ходят трансформированные. Не знающих, что человеческая эволюция больше не природный процесс, а программа, закодированная инопланетной цивилизацией.

Мир стоял на пороге изменений. И Ирина была катализатором. Нравилось ей это или нет.

– Ответил, – сказал Гек. – Согласен встретиться. Через два часа. Адрес в Марьино.

– Хорошо. – Ирина встала. – Пошли.

Они вышли из здания, слились с толпой. Ещё одна пара среди миллионов. Невидимые. Анонимные.

Пока.

Марьино встретило их промышленным шумом и запахом химикатов. Старый район, где располагались заводы, фабрики, перерабатывающие комплексы. Не самое чистое место в Москве, но дешёвое. Идеальное для тех, кто хотел остаться незамеченным.

Адрес привёл их к пятиэтажному зданию бывшего склада. Ржавые металлические стены, окна забиты досками. Но дверь была новой, с электронным замком.

Гек набрал код. Замок щёлкнул. Они вошли.

Внутри – неожиданно чисто и современно. Лифт. Они поднялись на третий этаж.

Дверь открылась, не дожидаясь стука.

Мужчина, стоявший в дверях, был лет сорока. Среднего роста, коренастый, с начинающейся лысиной. Лицо обычное, незапоминающееся. Но глаза – острые, внимательные. Глаза человека, который много видел и мало забыл.

– Гек, – сказал он. Голос был ровным, без интонаций. – Давно не виделись.

– Паша, – Гек кивнул. – Спасибо, что согласился помочь.

– Не за что. – Мужчина по имени Паша оглядел Ирину. Взгляд задержался на её лице, на руках. – Это она? Савельева?

– Да.

– Вижу. – Паша отступил, пропуская их внутрь. – Входите. Поговорим.

Они вошли в просторную квартиру, переоборудованную в лабораторию. Стены увешаны экранами. Столы с оборудованием. Запах антисептика и электроники.

– Впечатляет, – сказал Гек.

– Работаю с хорошими клиентами. – Паша прошёл к столу, жестом пригласил их сесть. – Гек говорит, тебе нужна помощь. Сканирование на наличие трекеров.

– Да, – ответила Ирина. – Есть подозрение, что "Гелиос" установил устройство слежения.

– "Гелиос". – Паша присвистнул. – Серьёзные ребята. Если они за тобой охотятся, удивительно, что ты ещё жива.

– Пока жива, – поправила Ирина. – И хочу остаться такой.

– Понятно. – Паша достал портативный сканер. – Раздевайся. Нужно проверить всё тело.

Ирина колебалась, потом начала снимать одежду. Осталась в нижнем белье. Паша и Гек отвернулись, давая хоть немного приватности.

Паша включил сканер, начал водить им по её телу. Устройство пищало, анализируя, ища аномалии.

– Чисто, – бормотал он. – Чисто. Чисто. Подожди...

Сканер запищал громче над левым плечом.

– Здесь что-то есть. Глубоко. Под мышцей. – Паша увеличил чувствительность. – Микро-трекер. Размером с рисовое зерно. Питается от биоэлектричества тела. Передаёт сигнал каждые пять минут.

– Можешь удалить?

– Могу. Но это потребует небольшой операции. Местная анестезия, разрез, извлечение. Десять минут работы.

– Делай.

Паша приготовил инструменты, обработал место антисептиком, ввёл анестетик. Ирина почувствовала лёгкое покалывание, потом онемение.

Паша работал быстро, профессионально. Разрез. Раздвигание тканей. Щипцы. И вот – крошечное устройство на металлическом подносе. Серебристое, размером с зерно, с микро-скопической антенной.

– Вот оно. – Паша показал Ирине. – Передатчик класса "Омега". Военные технологии. Дорогие. "Гелиос" не экономил.

– Что с ним делать?

– Уничтожить. Или... – Паша задумался, – можно использовать. Подделать сигнал. Отправить ложные координаты. Запутать преследователей.

– Можешь?

– Легко. – Паша достал другое устройство. – Эмулятор сигнала. Подключу трекер, запрограммирую на передачу фальшивых данных. "Гелиос" будет думать, что ты в другом месте.

– Делай, – решила Ирина.

Паша работал ещё десять минут. Подключал провода, программировал, тестировал. Наконец кивнул.

– Готово. Теперь твой трекер говорит, что ты в районе Химок. На противоположной стороне города. Это даст тебе время.

– Спасибо. – Ирина оделась, застёгивая куртку. – Сколько я должна?

– С Гека достаточно. – Паша убрал инструменты. – Но есть ещё кое-что. Информация, которая может тебя заинтересовать.

– Какая?

– Вчера вечером был доклад по новостной сети биохакеров. Секретный. Только для своих. – Паша активировал экран. – "Гелиос" готовит операцию. Крупную. В Байкал-сити. Массовое применение технологии генетической памяти. На солдатах.

Экран показал документ. Секретный приказ. Гриф "Совершенно секретно".

Ирина начала читать. С каждой строкой кровь холодела.

Проект "Архей" выходил на финальную стадию. Крашенинников получил одобрение от президента. Бюджет увеличен до пятисот миллиардов рублей. Испытания завершены. Ингибиторы работают. Трансформация контролируема.

И теперь – массовое производство.

Первая партия: тысяча солдат. Добровольцы из спецназа. Активация уровней три и четыре. Неандертальская память и память ранних гоминидов. Сила, скорость, рефлекс, превосходящие человеческие.

Дата начала: 1 марта. Через неделю.

– Боже мой, – прошептала Ирина. – Они действительно это делают. Создают армию монстров.

– И не только армию, – добавил Паша. – Смотри дальше.

Она прокрутила документ.

Вторая фаза: десять тысяч солдат. Третья фаза: сто тысяч. К концу года – миллион трансформированных военных.

Цель: геополитическое доминирование. Россия с армией сверхлюдей будет непобедимой. Сможет диктовать условия всему миру.

– Это безумие, – сказал Гек. – Миллион трансформированных... если хотя бы часть потеряет контроль...

– Будет катастрофа, – закончила Ирина. – Эпидемия мутаций. Распад цивилизации.

– Нужно остановить их, – сказал Паша. – Но как? Мы трое. У них армия. Ресурсы. Правительство.

Ирина смотрела на экран. На документ, который мог изменить будущее человечества. Или уничтожить его.

Что она могла сделать? Одна женщина против корпорации, против правительства, против военной машины?

И потом она вспомнила слова матери: *"Не позволяй им использовать это как оружие"*.

Последняя просьба. Последнее желание.

Ирина приняла решение.

– Нам нужна помощь, – сказала она. – Официальная помощь. Правоохранительные органы. ФСБ.

– ФСБ? – Гек уставился на неё. – Они арестуют тебя!

– Может быть. А может, нет. – Ирина повернулась к Паше. – У тебя есть контакты в ФСБ? Кто-то, кто занимается биологическими угрозами?

Паша колебался.

– Есть один человек. Капитан Воронова. Отдел биотерроризма. Мы работали вместе пару раз. Она... прагматична. Не идеалистка. Но и не коррумпирована. Может выслушать.

– Можешь организовать встречу?

– Рисково.

– Всё, что мы делаем, рискованно. – Ирина посмотрела на Гека. – Но это единственный шанс. Если ФСБ узнает о планах "Гелиоса", они могут остановить проект. Или хотя бы замедлить.

Гек задумался, потом кивнул.

– Хорошо. Попробуем. Но если она попытается арестовать тебя – я вытащу. Любой ценой.

– Согласна.

Паша достал коммуникатор, начал печатать сообщение.

- Отправляю запрос. Если она согласится – ответит в течение часа.
- Они ждали. Тридцать минут. Сорок. Пятьдесят.
- Потом коммуникатор завибрировал.
- Паша прочитал сообщение.
- Она согласна. Встреча сегодня вечером. Нейтральная территория. Парк Горького, зона отдыха три. Двадцать один час. Она придёт одна.
- Хорошо, – сказала Ирина. – Мы будем там.

Парк Горького, зона отдыха 3

22 февраля 2635 года, 20:55

Парк был полон людей, несмотря на вечер и холод. Москвичи гуляли, бегали, катались на велосипедах. Дети играли на площадках. Пары сидели на скамейках, держась за руки.

Нормальная жизнь. Мирная жизнь. Жизнь, в которой Ирина больше не участвовала.

Она и Гек сидели на скамейке возле фонтана. Наблюдали. Ждали.

В двадцать один ноль две появилась женщина.

Тридцать четыре года, по досье, которое Паша показал. Среднего роста, атлетического телосложения. Короткие светлые волосы, острые черты лица. Одета в гражданское – джинсы, куртка, ботинки. Но походка выдавала военную подготовку.

Капитан Елена Воронова. ФСБ, отдел биотерроризма. Ветеран нескольких операций. Потеряла команду пять лет назад при подавлении биотеррористической атаки в Новосибирске. С тех пор работала одна, не доверяла партнёрам.

Она подошла к скамейке, села рядом с Ириной. Не смотрела на неё, глядя вперёд, на фонтан.

– Савельева, – сказала она тихо.

– Капитан Воронова.

– Ты знаешь, что я должна арестовать тебя?

– Знаю.

– Но не буду. Пока. – Воронова повернула голову, изучая лицо Ирины. Глаза прищурились. – Ты изменилась. С фотографии в досье. Лицо... другое. Более... хищное.

– Генетическая трансформация. Побочный эффект активации памяти.

– Понятно. – Воронова откинулась на спинку скамьи. – Паша сказал, у тебя есть информация. О "Гелиосе". О проекте "Архей".

– Да. – Ирина достала флэшку. – Здесь всё. Документы. Видео. Протоколы испытаний. Планы массового применения технологии.

Воронова взяла флэшку, спрятала в карман.

– Я изучу. Если информация подтверждается – передам начальству. Начнётся расследование.

– Нужно действовать быстро. У них неделя до запуска. Первого марта начинают трансформацию тысячи солдат.

– Я знаю. – Воронова посмотрела на Ирину. – Но есть проблема. "Гелиос" имеет защиту на высшем уровне. Президент одобрил проект. Министр обороны за ним стоит. ФСБ не сможет просто прийти и закрыть всё.

– Тогда что вы можете сделать?

– Собрать доказательства. Нарушений. Незаконных экспериментов. Если докажем, что "Гелиос" нарушил этические протоколы, эксперименты на людях без согласия... тогда можем действовать.

– Доказательства в Байкал-сити, – сказала Ирина. – Там держат испытуемых. В клетках. Как животных. Это нарушение всех возможных законов.

– Байкал-сити – закрытый объект. Проникнуть туда невозможно без санкции.

– А если я добуду доказательства? – Ирина посмотрела Вороновой в глаза. – Проникну внутрь. Сделаю записи. Принесу тебе всё, что нужно.

Воронова молчала долго.

– Ты сумасшедшая, – сказала она наконец. – Это самоубийство.

– Возможно. Но это единственный способ.

– Почему ты это делаешь? – спросила Воронова. – Ты могла бы скрыться. Уехать в другую страну. Начать новую жизнь. Зачем рисковать?

Ирина вспомнила лицо матери. Последние слова. Последнюю просьбу.

– Потому что это правильно. Потому что если не я, то кто?

Воронова изучала её лицо. Потом кивнула.

– Хорошо. Я дам тебе время. Неделю. Если через неделю принесёшь доказательства – я запущу расследование. Официальное. С привлечением прокуратуры.

– Спасибо.

– Не благодари. Я не делаю это из доброты. – Воронова встала. – Я делаю это, потому что "Гелиос" создаёт угрозу национальной безопасности. Неконтролируемая биологическая трансформация миллиона солдат – это катастрофа, ждущая своего часа. Моя работа – предотвратить катастрофы.

– Тогда у нас общая цель.

– Может быть. – Воронова начала уходить, но остановилась. – Ещё кое-что. МГБ всё ещё охотится за тобой. Джун Ли в Москве. Она не остановится.

– Знаю.

– И Призрак тоже здесь. Работает на "Гелиос". Если он найдёт тебя...

– Я справлюсь.

– Надеюсь. – Воронова ушла, растворившись в толпе.

Ирина и Гек сидели ещё несколько минут. Пережевывая разговор. Обдумывая последствия.

– Ты действительно хочешь проникнуть в Байкал-сити? – спросил Гек.

– Да.

– Это безумие.

– Я знаю. – Ирина встала. – Но у меня есть план. Нам понадобится помощь. Оборудование. И немного удачи.

– Удача не на нашей стороне последние две недели.

– Тогда пора, чтобы это изменилось.

Они пошли прочь из парка, в ночь, в неопределённость. План формировался в голове Ирины. Опасный. Безрассудный. Но возможный.

Она проникнет в Байкал-city. Получит доказательства. Остановит проект "Архей".

Или погибнет, пытаясь.

Но так или иначе, она дойдёт до конца. До финальной точки пути, который начала её мать.

До правды, скрытой в глубинах генетической памяти.

До трансформации, которая изменит всё.

23 февраля 2635 года, 11:30

Они провели ночь в съёмной квартире, оплаченной через анонимный сервис. Спали по очереди, не доверяя безопасности даже здесь.

Утром Гек начал работу. Взлом систем "Гелиоса" – снова. Он искал схемы Байкал-сити. Планировку. Системы безопасности. Маршруты патрулей.

Нашёл через шесть часов.

– Вот, – показал он Ирине экран. – Байкал-сити. Подводный комплекс. Восемь уровней. Каждый изолирован биозащитой.

Экран показывал трёхмерную модель. Огромная структура под озером, соединённая с поверхностью через единственный лифт-шахту.

– Вход только один? – спросила Ирина.

– Официально – да. Но есть аварийные выходы. Здесь, здесь и здесь. – Гек отметил точки на схеме. – Они заблокированы, но можно открыть изнутри.

– Как попасть внутрь?

– Легально – никак. Нужен допуск уровня восемь. Биометрия. Ретинальное сканирование. ДНК-идентификация.

– Нелегально?

– Маскировка под сотрудника. Поддельная биометрия. Сложно, но возможно. – Гек переключил экран. – У меня есть оборудование для создания биометрических масок. Силиконовая кожа, контактные линзы, синтетические отпечатки пальцев. Подделать можно всё, кроме ДНК-идентификации.

– Значит, нужен настоящий образец ДНК сотрудника.

– Да. И я знаю, где его взять. – Гек показал список. – Сотрудники "Гелиоса", работающие в Байкал-сити. Сто тридцать человек. Большинство живут в Иркутске. Ездят на вахты.

Ирина изучила список. Искала подходящую цель. Кто-то, кого можно было бы... что? Похитить? Убить?

Она содрогнулась от мысли. Но понимала: может не быть выбора.

– Этот, – указала она на имя. – Доктор Анна Белова. Тридцать шесть лет. Генетик. Работает на пятом уровне комплекса. Живёт в Иркутске, одна, без семьи. Идеальная цель.

– Ты хочешь похитить её?

– Нет. Просто взять образец ДНК. Волос. Слюна. Кожа. Этого достаточно?

– Да. – Гек кивнул. – Я могу синтезировать ДНК-профиль из образца. Создать поддельный идентификатор. Это займёт день, может два.

– Хорошо. – Ирина начала строить план. – Мы летим в Иркутск. Находим Белову. Получаем образец. Возвращаемся. Готовим маскировку. И проникаем в Байкал-city.

– Звучит просто, когда ты так говоришь, – усмехнулся Гек. – На практике это будет кошмар.

– Я знаю. – Ирина посмотрела на него. – Ты не обязан идти. Это моя война.

– Нет. Наша. – Гек протянул руку. – Мы в этом вместе. До конца.

Ирина взяла его руку. Пожали друг другу руки, скрепляя союз.

– До конца, – повторила она.

И где-то в глубине души понимала: конец будет скоро. Очень скоро.

Но каким он будет – победой или поражением, жизнью или смертью – она не знала.

Знала только: путь выбран. И она пройдёт его до конца.

Что бы ни ждало впереди.

Глава 6. Предложение

Московский Кремль (правительственная резиденция)

27 февраля 2635 года, 19:30

Чёрный лимузин с затонированными стёклами катил по пустым улицам Кремлёвского комплекса. Ирина сидела на заднем сиденье между двумя охранниками в тёмных костюмах. Руки не были связаны, но напряжённая готовность этих людей говорила: любая попытка сопротивления будет подавлена мгновенно и жёстко.

Три часа назад она встретила с Вороновой в условленном месте – заброшенный завод на окраине Москвы. Капитан ФСБ пришла не одна. С ней были двое мужчин в штатском. Представились как агенты службы безопасности президента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.